

Адвокат Антон Колосов

КАК ОПРАВДАТЬ

**ПО ДЕЛАМ
О КРАЖЕ,
ГРАБЕЖЕ
И РАЗБОЕ**

Оправдание, отмена приговоров,
смягчение наказания.
Обзор актуальной судебной практики

АДВОКАТ АНТОН КОЛОСОВ

КАК ОПРАВДАТЬ ПО ДЕЛАМ О КРАЖЕ, ГРАБЕЖЕ И РАЗБОЕ

*Оправдание, отмена приговоров, смягчение наказания.
Обзор актуальной судебной практики*

Москва
2021

УДК 343.11

ББК 67.408

К61

Колосов, Антон Леонидович. Как оправдать по делам о краже, грабеже и разбое. Оправдание, отмена приговоров, смягчение наказания. Обзор актуальной судебной практики. — М.: 2021. — 149 с.

В книге собраны практикообразующие судебные акты Верховного Суда РФ, судов первой, второй и третьей инстанций с 2017 г. по 2021 г., вступившие в законную силу.

Оправдательные приговоры, апелляционные и кассационные определения, которыми прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям, действия виновных лиц переквалифицированы на менее тяжкое преступление, значительно снижено наказание, назначено условное наказание, содержат те действенные реально работающие правовые инструменты, которые позволят вам, уважаемый читатель, помочь себе, если вы столкнулись с уголовно-правовой машиной, а также вашим подзащитным.

В сборнике приведены существенные нарушения, допускаемые следственными органами и судами, с необходимостью влекущие улучшение положения обвиняемого вплоть до его оправдания.

Сопоставляя судебно-следственную ситуацию по уголовному делу, в которой оказались вы или ваши подзащитные, с эффективной аргументацией, изложенной в книге, сможете реально добиться оправдания невиновных, смягчить участь тех, кто впервые столкнулся с уголовным законом в части применения его репрессии к обвиняемым в краже, грабеже, разбое.

Каждый из 55 кейсов снабжен полноценным, исчерпывающим правовым обоснованием для подготовки апелляционной, кассационной жалоб. В примеры необходимо глубоко и всецело погружаться, только тогда будет понятна логика рассуждений суда. Крепко уяснив причины и основания оправданий, переквалификаций, снижения наказаний, вы сможете уверенно и безошибочно выстраивать неопровержимую линию защиты. Результативные примеры должны вдохновлять на борьбу со следственным произволом, обвинительным уклоном в судах. Нужно бороться за свои права и идти до конца, вплоть до Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ.

За каждым разбираемым случаем стоит судьба отдельного живого человека. Спасенная судьба. Если с помощью настоящей книги вы поможете себе и другим, это будет лучшей благодарностью для автора.

Сборник будет полезен подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным за кражу, грабеж, разбой, адвокатам, а также всем читателям, интересующимся уголовным правоприменением.

Буду благодарен, если свои пожелания, отзывы и судебную практику направите для дальнейшего улучшения сборника по адресу: kolosov@advokat-kolosov.ru.

АНТОН КОЛОСОВ

*адвокат Московской городской
коллегии адвокатов*

Имеет опыт работы в системе следствия, органах прокуратуры Российской Федерации.

Дает практические советы на сайте advokat-kolosov.ru и разбирает конкретные дела на [YouTube](https://www.youtube.com).

Автор книг «Как оправдать по делам о наркотиках», «Как оправдать по делам об убийстве и насильственных преступлениях», «Как оправдать по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «Как оправдать по делам о должностных преступлениях».

Незнание закона не освобождает от ответственности,
а знание судебной практики — освобождает.

А. Колосов

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Судебная практика по делам о краже..... 11

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования..... 12

Обвинение не может быть основано исключительно на признательных показаниях, от которых осужденные отказались в судебном заседании, заявив о самооговоре, и которые не подтверждены совокупностью иных исследованных и приведенных в приговоре доказательств 13

Суд должен на основании достоверных доказательств определить принадлежность похищенного имущества, только показаний потерпевшего о принадлежности ему имущества недостаточно. Если преступление совершено с единым умыслом, оно не может квалифицироваться как несколько хищений. О продолжаемом преступлении свидетельствует тот факт, что имущество похищено из одного и того же источника и у одного и того же потерпевшего, даже если похищенное сбыто различными способами и в разные места. 16

Критерием разграничения предмета преступлений против собственности и экологических преступлений является меновая стоимость имущества, созданная общественно необходимым трудом и образующая цену товара. Природные объекты, не созданные трудом человека, не могут являться предметом хищения..... 25

Песчано-гравийная смесь не может являться предметом хищения, так как не обособлена, не обладает экономическими свойствами, меновой стоимостью и ее денежным выражением — ценой 29

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде 31

Субъективная сторона хищения (ст. 158 УК РФ) характеризуется прямым умыслом, если лицо, как предусмотрено ч. 2 ст. 25 УК РФ, осознавало общественную опасность своих действий, предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Отсутствие доказательств, указывающих на наличие у лица умысла на хищение чужого имущества, влечет постановление оправдательного приговора 32

Значительность ущерба для потерпевшего необходимо безусловно доказать. Одних его показаний для квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба недостаточно 36

Больничная палата не может быть признана жилищем..... 38

Если адвокат не задал ни одного вопроса подзащитному, значит, он самоустранился от защиты, оставил своего доверителя без защиты. Судья не вправе первым допрашивать подсудимого 39

Прежде чем взыскать с осужденных денежные средства по иску потерпевшего, суд должен признать их гражданскими ответчиками, вынести соответствующие постановления, разъяснить права гражданского ответчика осужденным..... 43

Адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя.....	44
Хищения чужого имущества не являются преступлениями с повышенной степенью общественной опасности	46
Суд не вправе ссылаться при назначении наказания на тот факт, что подсудимый не работает	48
Если судья до постановления приговора высказал позицию относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств, то он не может участвовать в производстве по уголовному делу	49
Если суд известил стороны о назначении рассмотрения уголовного дела менее чем за пять суток до его начала, приговор подлежит отмене ввиду нарушения гарантированного Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом права обвиняемого на защиту, поскольку это ограничивает его возможность надлежащим образом подготовиться к судебному заседанию	53
Стоимость похищенного у потерпевших имущества и, соответственно, размер причиненного им ущерба не может быть установлен судом исключительно из показаний потерпевших при отсутствии в материалах уголовного дела каких-либо объективных сведений о его фактической стоимости на момент совершения преступления.....	54
Не является преступлением, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности	56
При квалификации деяния как неоконченного суд обязан установить достоверно и бесспорно, какое конкретно имущество намеревался похитить подсудимый	59
Глава 2. Судебная практика по делам о грабеже	61
<i>Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования.....</i>	<i>62</i>
Выполнение лицом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, при отсутствии обязательного признака субъективной стороны — корыстного мотива — исключает наличие в его действиях состава указанного преступления. Явка с повинной сама по себе не есть доказательство виновности лица в совершении корыстного преступления, она должна быть сопоставлена с иными доказательствами по делу	63
Эксцесс исполнителя исключает для него квалификацию деяния по квалифицирующему признаку «группой лиц по предварительному сговору». Из осуждения лица по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ исключен квалифицирующий признак грабежа «группой лиц по предварительному сговору», назначенное наказание смягчено	67
Объективная сторона преступления в виде грабежа характеризуется открытым, заведомо очевидным, явно заметным для собственника или других лиц способом изъятия чужого имущества, причем лицо, совершающее хищение, сознает, что присутствующие при этом иные лица понимают характер его действий, но игнорирует данное обстоятельство	68

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде 70

Суд не вправе искажать содержание доказательства. Грабеж совершается только с прямым умыслом и предполагает, что применяемое при этом насилие служит средством исключительно для завладения имуществом и также совершается умышленно..... 71

Не может квалифицироваться как грабеж завладение имуществом потерпевшего, который добровольно передал вещи подсудимому, в дальнейшем скрывшемуся с этими вещами..... 74

Суд обязан указать в приговоре дату вступления в сговор на совершение преступления и описать распределение ролей соучастников..... 78

Уголовное дело по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ по факту хищения топлива на 2 568,28 рубля с причинением телесных повреждений прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ 80

Глава 3. Судебная практика по делам о разбое 83

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования..... 84

Если подсудимый в ходе разбойного нападения на потерпевшего достал из кармана перочинный нож и раскрыл его, однако реальных действий по его применению не осуществлял, то действия виновного лица подлежат квалификации по ч. 1 ст. 162 УК РФ, а не по ч. 2 ст. 162 УК РФ 85

Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например, макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и тому подобным, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж..... 86

Пособничество в совершении преступления единственному исполнителю, о котором был осведомлен подсудимый, не образует формы соучастия в виде группы лиц по предварительному сговору, действия подсудимого не могут быть квалифицированы судом как совершенные группой лиц по предварительному сговору 89

Связывание рук и ног потерпевшей шнуром от зарядного устройства, повлекшее ограничение ее свободы, не может расцениваться как насилие, опасное для жизни и здоровья 91

Фактически выполненные действия осужденной по доставке на автомобиле участников группы к месту нападения и обратно, ожидание членов группы с тем, чтобы беспрепятственно скрыться с места преступления, при отсутствии признаков организованной группы определяют квалификацию ее действий как соучастие в совершении данных преступлений в форме пособничества 93

Разряд электрического тока электрошоковым устройством в область головы потерпевшего не образует такой признак разбойного нападения, как применение насилия, опасного для жизни..... 95

Применение газового баллончика в ходе нападения может быть квалифицировано как разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, только при том условии, если будет установлено, что газ в баллончике представлял опасность для жизни или здоровья человека и его воздействие на организм потерпевшего могло привести к расстройству его здоровья или смерти. Для признания аэрозольного распылителя предметом, используемым в качестве оружия, необходимо путем проведения экспертизы установить, что газовый баллончик был предназначен для временного поражения цели, снаряжен слезоточивыми или раздражающими веществами и представлял опасность для жизни или здоровья потерпевшей 97

При квалификации действий двух и более лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично 101

По смыслу закона, вытекающему из положений ст. 154, 155 УПК РФ, материалы уголовного дела должны содержать подлинники или заверенные следователем копии процессуальных документов, имеющих значение для рассматриваемого уголовного дела. Если материалы уголовного дела содержат копии доказательств и иных процессуальных документов, которые никем не заверены, то это существенным образом нарушает права подсудимого на защиту (в том числе знать, в чем он обвиняется, и знакомиться с соответствующими доказательствами, приведенными в обвинительном заключении), что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного обвинительного заключения 103

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде 105

Сомнительный вывод суда о наличии у осужденных корыстной цели при завладении имуществом и квалификация их действий по ч. 3 ст. 162 УК РФ повлекли отмену апелляционного определения и переквалификацию на ст. 330 УК РФ. Не образуют состава разбоя противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 УК РФ 106

Если потерпевший в ходе предварительного следствия давал показания о совершенном в отношении него разбойном нападении, а в суде заявил, что на самом деле никакого хищения имущества не было, достоверными нужно признавать его показания в судебном заседании. Если свидетелям о совершенном преступлении известно только со слов потерпевшего, который изменил свои показания в суде, заявив о том, что в действительности подсудимый преступления не совершал, достоверность таких свидетельских показаний крайне мала 110

Если квалифицирующий признак разбойного нападения «с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья» не был вменен осужденному органом предварительного расследования, суд такой признак самостоятельно вменить не вправе 113

Осуждение лиц по признаку «группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия» возможно в том случае, если суд сделает мотивированное суждение относительно взаимоосведомленности каждого из подсудимых обо всех аспектах действий соучастника, включая характер применяемого насилия 115

Глава 4. Условное осуждение. Отсрочка от отбывания наказания. Смягчение наказания. Изменение категории преступления. Назначение судебного штрафа 120

Суд второй инстанции изменил реальное лишение свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на условное наказание, из-под стражи осужденного освободил, приняв во внимание совокупность обстоятельств, смягчающих наказание и категорию преступления..... 121

В приговоре должно быть мотивировано, какие конкретно обстоятельства, связанные с целями и мотивом преступления, требуют назначения осужденному наказания в виде реального лишения свободы..... 123

Суд апелляционной инстанции изменил категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести и прекратил уголовное дело по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ 125

Наличие у осужденного места работы является обстоятельством, смягчающим наказание 129

Вывод суда о том, что осужденный ведет антисоциальный образ жизни и поддерживает связь с ранее судимыми лицами, должен быть объективно подтвержден, иначе подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора со снижением наказания 130

В соответствии с требованиями ч. 1.1 ст. 63 УК РФ само по себе совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя или наркотических средств, не является единственным и достаточным основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание 132

Суд отсрочил отбывание наказания осужденной по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ при наличии к тому оснований, указанных в ч. 1 ст. 82 УК РФ, до достижения ее детьми 14-летнего возраста..... 134

Возраст осужденного (50 лет) и незначительная сумма ущерба непосредственно влияют на смягчение наказания как индивидуализирующие наказание обстоятельства 136

Положительная характеристика из СИЗО позволила вдвое снизить наказание за преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ 137

Мнение потерпевшего, возражавшего против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, не является безусловным препятствием для этого 138

Суд второй инстанции изменил реальное лишение свободы на условное наказание даже при полном непризнании вины подсудимым по ч. 1 ст. 161 УК РФ. Непризнание вины не является основанием для отказа подсудимому в применении правил, предусмотренных ст. 73 УК РФ 141

Отрицательная характеристика не может приниматься во внимание при назначении наказания..... 142

Преклонный возраст сам по себе не свидетельствует о беспомощном состоянии потерпевшего, предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающее обстоятельство — совершение преступления в отношении беспомощного лица — из описательно-мотивировочной части приговора по ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 161 УК РФ исключено, наказание снижено 144

При назначении наказания суд второй инстанции применил правила, предусмотренные п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, снизив наказание за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, за частичное возмещение вреда в размере 9 000 рублей 146

Если в протоколе явки с повинной не имеется сведений о составлении его с участием адвоката, не содержится данных о разъяснении подсудимому права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, протокол явки с повинной признается недопустимым доказательством 147

ГЛАВА 1. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О КРАЖЕ

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования

Обвинение не может быть основано исключительно на признательных показаниях, от которых осужденные отказались в судебном заседании, заявив о самооговоре, и которые не подтверждены совокупностью иных исследованных и приведенных в приговоре доказательств

Показания обвиняемых должны содержать подробности, относящиеся к событиям преступлений, бесспорно свидетельствующие о виновной осведомленности. Содержащийся в протоколах допроса объем информации, в том числе о способе проникновения, описании похищенного имущества, должен быть согласован с другими доказательствами.

Уголовное преследование осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ прекращено в связи с непричастностью к совершению преступлений.

Б. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (два преступления), п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (три преступления), п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено 3 года лишения свободы. За эти же преступления осужден З.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

Согласно требованиям ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, при этом даже признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу и исследованных в судебном заседании доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора.

Суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что указанные требования закона судом первой инстанции в части осуждения Б. и З. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту кражи кровати у Ш.), а также в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (по факту кражи двери Ш.) не выполнены.

Как следует из приговора, суд, изучив представленные доказательства, признал доказанным факт совершения Б. и З. по предварительному сговору кражи кровати, принадлежащей Ш., а также факт совершения Б. в этот же период времени кражи пластиковой двери с незаконным проникновением в жилище Ш.

При этом в обоснование виновности суд сослался на следующие доказательства:

— показания Б. и З. на стадии предварительного расследования в ходе допросов и при проверке показаний на месте; согласно протоколам следственных действий, и Б., и З. поясняли, что во время распития спиртного в заброшенном доме похитили кровать, которую продали; Б. также пояснял, что через несколько дней проник в этот же дом, снял дверь, которую спрятал в траве, намереваясь продать, но дверь потом не нашел; из показаний З. следует, что Б. высказывал намерения похитить дверь, но реализовал такие намерения или нет, ему неизвестно;

— показания сотрудников полиции Е., Р. и У. о процедуре производства следственных действий с участием Б. и З.;

— показания потерпевшей Ш., которой от Ф. известно о проникновении в дом, где она не проживает, и хищении имущества, в том числе кровати и пластиковой двери;

— показания свидетеля Ш., который обнаружил отсутствие в доме имущества: пластиковой двери, кровати, софы, — о чем сообщил своей тете;

— показания свидетеля Ф., согласно которым в доме Ш. обнаружили кражу печной плиты и разобранную стену в бане, о чем сообщила в полицию; о краже кровати, софы и двери ей сообщил Ш., о чем она заявила в полицию;

— протокол осмотра места происшествия (на веранде отсутствует оконная шибка, отопительная печь разобрана, не зафиксировано наличие софы, кровати, пластиковой двери);

— заключение товароведческой экспертизы о рыночной стоимости кровати и пластиковой межкомнатной двери.

Однако суд апелляционной инстанции, соглашаясь с доводами жалоб и представления, не может признать обоснованными выводы суда первой инстанции о том, что приведенные доказательства являются достаточными для признания осужденных виновными в совершении хищения имущества Ш.

Так, показания Б. и З. аналогичны содержанию предъявленного обвинения и не содержат подробностей, относящихся к событиям преступлений, бесспорно свидетельствующих о виновной осведомленности. Содержащийся в протоколах допроса объем информации, в том числе о способе проникновения, описании похищенного имущества, не позволяет утверждать о согласованности с другими доказательствами (показаниями потерпевшей, свидетелей, протоколом осмотра места происшествия). Кроме того, свидетель К. категорически отрицала приобретение ею у Б. и З. кровати, что не соответствует признательным показаниям осужденных о способе распоряжения похищенным.

Показания потерпевшей Ш., свидетелей Ш. и Ф. свидетельствуют лишь о том, что в доме Ш. имелась кровать и пластиковая дверь, хищение которых обнаружено из дома, где с августа 2019 года никто не проживал; протокол осмотра места происшествия содержит исключительно описание обстановки в доме по состоянию на дату осмотра; заключением товароведческой экспертизы установлена рыночная стоимость имущества (аналогичных объектов); сведения о зарегистрированных в книге учета сообще-

ниях о преступлениях свидетельствуют о том, что проникновение в дом Ш. и хищения имели место и до инкриминируемых осужденным по настоящему делу фактов.

При таких обстоятельствах следует признать, что обвинение Б. и З. по фактам хищения имущества Ш. основано исключительно на их признательных показаниях, от которых осужденные отказались в судебном заседании, заявив о самооговоре, и которые не подтверждены совокупностью иных исследованных и приведенных в приговоре доказательств.

То обстоятельство, что суд, допросив оперативно-следственных работников, не установил нарушений требований уголовно-процессуального закона при допросах и проведении иных следственных действий с участием Б. и З., не является безусловным и достаточным основанием для постановления обвинительного приговора.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что постановленный приговор в части осуждения Б. и З. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту кражи кровати у Ш.), а также в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (по факту кражи двери у Ш.) не может быть признан законным и обоснованным и в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ подлежит отмене в указанной части, а уголовное преследование осужденных на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ подлежит прекращению в связи с непричастностью к совершению данных преступлений с признанием за ними права на реабилитацию.

*Апелляционное определение Алтайского краевого суда
от 5.02.2021 г. по делу № 22-630/2021.*

Суд должен на основании достоверных доказательств определить принадлежность похищенного имущества, только показаний потерпевшего о принадлежности ему имущества недостаточно. Если преступление совершено с единым умыслом, оно не может квалифицироваться как несколько хищений. О продолжаемом преступлении свидетельствует тот факт, что имущество похищено из одного и того же источника и у одного и того же потерпевшего, даже если похищенное сбыто различными способами и в разные места.

Если насилие к потерпевшему применено подсудимыми совместно, суд обязан конкретизировать, разграничить характер этого насилия.

Суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

При наличии возражений подсудимых и их защитников показания свидетелей, с которыми очные ставки в ходе предварительного следствия не проводились, оглашены быть не могут.

Свидетель из числа близких родственников подсудимых не несет ответственность за отказ от дачи показаний против них, он не может предупреждаться об уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ.

Отвод судье может быть заявлен устно. Если обстоятельства, образующие основания для отвода судьи, стали известны участнику процесса позднее, чем началось судебное следствие, заявление может быть сделано и в ходе дальнейшего судебного разбирательства.

По любому ходатайству сторон судом должно быть вынесено мотивированное решение.

Недопустимо перенесение в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства.

Приговор по п. «б» ч. 4 ст. 162, ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ отменен.

Ф. и К. осуждены по п. «б» ч. 4 ст. 162, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 166, п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 139 УК РФ.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре», в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого,

проверка которых производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

По смыслу п. 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает вопрос о том, является ли деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено, то есть суд первой инстанции обязан в приговоре мотивировать свои выводы о квалификации преступлений по той или иной статье уголовного закона, его части и пункту, а также обосновать квалификацию преступления в отношении каждого подсудимого и в отношении каждого преступления. Согласно разъяснениям, данным в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 года, выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом.

Состоявшийся в отношении Ф. и К. приговор не соответствует указанным требованиям закона.

По смыслу положений ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; в случае признания обвинения в какой-либо части необоснованным или установления неправильной квалификации преступления — основания и мотивы изменения обвинения.

К обстоятельствам, подлежащим доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, относится событие преступления: способ, время, место его совершения.

Ф. и К. осуждены за разбой, квалифицирующим признаком которого, отличающим его от других составов преступлений против собственности, является применение насилия, опасного для жизни или здоровья, или угроза применения такого насилия.

Однако суд при изложении преступного деяния, описав действия каждого из осужденных, примененное к потерпевшей Ш. насилие, не конкретизировал, не разграничил характер этого насилия и содержание высказанных в адрес потерпевшей угроз применения насилия, опасного для жизни и здоровья, что повлекло неопределенность обвинения.

Ф. и К. осуждены за разбой в особо крупном размере, а именно за хищение имущества общей стоимостью 1 413 613 рублей.

Судом признано, что действиями осужденных Ш. причинен ущерб на общую сумму 1 413 613 рублей, при этом учитывалась и стоимость автомобиля.

Между тем при описании преступного деяния судом не приведено фактических данных о том, кто является собственником указанного автомобиля.

При этом в ходе судебного разбирательства суд по собственной инициативе поставил на обсуждение сторон и признал в качестве потерпевшего как собственника похищенного транспортного средства ранее не допрошенного ни органами предварительного следствия, ни судом Ж., отбывающего на момент рассмотрения дела наказание в ФКУ ИК УФСИН России по Самарской области, с которым потерпевшая сожительствовала до его осуждения, но в официальном браке не состояла.

Ж. предоставил суду заявление и доверенность на предоставление его интересов как потерпевшего Ш. В представленных Ж. документах указания на то, что похищенный автомобиль приобретался в совместную собственность его и Ш., не содержится.

В ходе предварительного следствия потерпевшая Ш. утверждала, что указанный автомобиль она и Ж. приобретали вместе.

Однако из ее показаний в судебном заседании следует, что автомобиль ей не принадлежит, является собственностью и оформлен на Ж., который оценил его в 1 200 000 рублей. Она пользуется этим автомобилем на основании генеральной доверенности. Говорила следователю о принадлежности автомобиля сожителю, но Ж. потерпевшим признан не был. При этом не заявляла о приобретении данного автомобиля на общие средства в совместную собственность, указала лишь, что, поскольку проживала с Ж. в течение длительного времени, считает данное имущество приобретенным в браке.

У самого Ж. обстоятельства приобретения и принадлежность автомобиля не выяснялись, противоречия в показаниях потерпевшей в ходе предварительного следствия и в суде в указанной части судом не устранены.

Однако суд без достаточной проверки, исходя лишь из показаний потерпевшей и того обстоятельства, что она, с ее же слов, длительное время проживала с Ж., мотивируя наличие квалифицирующего признака разбоя «в особо крупном размере», признал похищенный осужденными автомобиль совместной собственностью Ж. и Ш., указав, что они вели общее хозяйство, у них был единый бюджет, указанную автомашину они приобрели на совместные средства, что какими-либо объективными доказательствами не подтверждено.

При этом суд сделал вывод, что ущерб в особо крупном размере, в том числе с учетом стоимости указанного автомобиля, причинен только Ш., несмотря на то, что своим же постановлением признал Ж., как собственника автомобиля, потерпевшим по делу.

При таких обстоятельствах выводы суда о причинении действиями Ф. и К. ущерба в особо крупном размере, в том числе с учетом стоимости автомобиля Ш., являются противоречивыми, сделаны преждевременно, без достаточной проверки принадлежности данного имущества, владельцем которого, как следует из имеющихся в материалах дела документов, является Ж., без учета его мнения.

Кроме того, суд, признав Ж. потерпевшим по делу, права гражданского истца, предусмотренные ст. 44 УПК РФ, ему не разъяснил.

Также судом допущена неопределенность при описании преступного деяния относительно наличия или отсутствия предварительного сговора между осужденными на совершение разбоя с применением предмета, используемого в качестве оружия, — ножа, который, как установлено приговором, К. взял на месте преступления, на кухне в доме потерпевшей Ш., не приведено отношение к этим действиям Ф., хотя, как следует из протокола судебного заседания, эти обстоятельства судом выяснялись как у осужденных, так и у потерпевшей.

Органами предварительного следствия Ф. обвинялся в трех кражах, квалифицированных как самостоятельные преступления.

Осужденный Ф. в судебном заседании показал, что хищение принадлежащего К. имущества совершено им с единым умыслом, в связи с наличием картонного долга, который необходимо было вернуть, при этом точные даты изъятия этого имущества из дома потерпевшей не помнит.

Квалифицируя действия осужденного в части хищения принадлежащего потерпевшей имущества как два самостоятельных преступления, суд не дал должной оценки доводам осужденного относительно того, что последний похищал их с единым умыслом, в один раз не вывез в силу их тяжести, сославшись лишь на то, что они сбыты различными способами и в разные места, при этом не дал оценки тому обстоятельству, что данное имущество похищено из одного и того же источника и у одного и того же потерпевшего.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом.

Органами предварительного расследования Ф. обвинялся по ч. 3 ст. 162 УК РФ в разбое, то есть нападении в целях хищения чужого имущества, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище, в отношении Б.

Исходя из положений ст. 240 УПК РФ, регламентирующих непосредственность и устность судебного разбирательства, разъяснений, данных в абз. 3 ч. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 № 55 «О судебном приговоре», **суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.**

Вопреки этому, суд ссылается в приговоре как на доказательства виновности осужденных Ф. и К. на показания потерпевшей Ш., дает им оценку, тогда как сведений об их оглашении протокол судебного заседания не содержит.

В судебном заседании допрошен свидетель С., оглашение показаний которого в ходе предварительного следствия в протоколе судебного заседания не зафиксировано. Вместе с тем суд, допрашивая его, ссылается на его показания в ходе предварительного следствия, имеющиеся в томе дела, то есть на доказательство, которое не исследовалось в судебном заседании.

Таким образом, судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона в части, регламентированной ст. 240 УПК РФ.

В силу ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

При неявке кого-либо из участников уголовного судопроизводства суд заслушивает мнение сторон о возможности судебного разбирательства в его отсутствие и выносит постановление об отложении судебного разбирательства или о его продолжении, а также о вызове или приводе неявившегося участника (ст. 272 УПК РФ).

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, в случае, если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) на предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ).

Вопреки этому, судом при наличии возражений подсудимых и их защитников оглашены показания свидетеля Ж., очные ставки которой с обвиняемыми в ходе предварительного следствия не проводились, что указывает на нарушение судом принципа равноправия и состязательности сторон, поскольку осужденные были лишены возможности оспорить показания этого свидетеля на досудебной стадии производства по делу.

В судебном заседании судом на обсуждение поставлено ходатайство потерпевшей Ш. об отложении судебного заседания в связи с ее неявкой по уважительной причине. Заслушав мнение участников процесса, суд без принятия решения по обсуждаемому вопросу продолжил рассмотрение дела, что противоречит положениям ст. 272 УПК РФ.

В соответствии с ч. 4 ст. 56 УПК РФ, ст. 51 Конституции РФ свидетель вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК РФ.

Согласно примечанию к ст. 308 УК РФ свидетель из числа близких родственников подсудимых не несет ответственность за отказ от дачи показаний против них.

Вопреки этому допрошенные в судебном заседании К. — мать осужденного К. — и Ф. — мать осужденного Ф. — предупреждены судом по ст. 308 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за отказ свидетеля от дачи показаний.

Исходя из требований ст. 243 УПК РФ, председательствующий принимает все предусмотренные настоящим кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон.

Согласно ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств.

В целях обеспечения беспристрастности лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, ст. 64 УПК РФ предусматривает, что при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 и 63 данного кодекса, судье может быть заявлен отвод участниками уголовного судопроизводства; отвод заявляется до начала судебного следствия, вместе с тем заявление отвода судье допускается и в ходе дальнейшего судебного заседания, если основание для него ранее не было известно стороне.

По всем вопросам, разрешаемым судом во время судебного заседания, суд выносит постановления, которые подлежат оглашению в судебном заседании; суд, выслушав мнения участников судебного разбирательства, рассматривает каждое заявленное ходатайство и удовлетворяет его либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства.

Данные требования закона судом соблюдены не в полной мере.

Так, в судебном заседании Ф. в ходе допроса свидетеля С. обратился к суду с заявлением о неправомерных действиях в отношении него со стороны данного свидетеля, в принятии которого судом было отказано с указанием на нарушение установленного порядка судебного следствия, что послужило основанием для заявления подсудимым Ф. отвода председательствующему по мотиву заинтересованности судьи в исходе дела, в принятии которого судом было отказано со ссылкой на то, что заявление об отводе должно быть подано в письменном виде.

Между тем статья 64 УПК РФ такого требования к оформлению отвода судье не содержит.

Также в судебном заседании был заявлен отвод председательствующему адвокатом О., которой, как следует из протокола, суд разъяснил требования ст. 64 УПК РФ и тоже предложил обосновать отвод письменно.

При этом заявленные подсудимым Ф. и адвокатом О. отводы на обсуждение сторон не выносились.

После этого подсудимым Ф. был заявлен оформленный в письменном виде отвод председательствующему по мотиву заинтересованности судьи в исходе дела со ссылкой на то, что судья, огласив его заявление и не разрешив его, продолжила рассмотрение дела, а затем, не сделав потерпевшей К. замечания за опоздание, огласила ей показания допрошенного в ее отсутствие свидетеля Ф. и разрешила ей задавать вопросы. Рассмотрев заявленный подсудимым отвод, суд

в его удовлетворении отказал, сославшись в том числе на то, что в соответствии со ст. 64 УПК РФ отвод судье может быть заявлен лишь до начала судебного следствия. Между тем по смыслу указанной нормы закона, если обстоятельства, образующие основания для отвода судьи, стали известны участнику процесса позднее, чем началось судебное следствие (что следовало из заявления подсудимого), то заявление может быть сделано и в ходе дальнейшего судебного разбирательства.

В судебном заседании адвокатом С. заявлено ходатайство о назначении по делу дополнительной судебно-психиатрической экспертизы в отношении К., поддержанное этим подсудимым.

Суд, выяснив только мнение государственного обвинителя, в нарушение принципов равноправия и состязательности сторон не предоставив возможность высказаться подсудимому Ф. и его защитнику, тем самым ограничив их права, регламентированные уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 271 УПК РФ), принял решение по заявленному ходатайству.

По смыслу положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 256, 271 УПК РФ решения, принимаемые судом по заявленным сторонами ходатайствам, должны быть обоснованными и мотивированными, что по настоящему делу соблюдено не в полной мере.

Адвокатом О. в судебном заседании заявлялось ходатайство о признании недопустимыми ряда доказательств, которое судом рассмотрено не в полном объеме, а лишь частично; отклоняя его, суд какого-либо обоснования принятому решению не привел, ограничившись лишь формальной ссылкой, что «законных оснований для признания этих доказательств недопустимыми не имеется», несмотря на то, что адвокатом часть доказательств, в частности СМС-переписка между К. и Ф. по эпизодам краж, оспаривалась со ссылкой на то, что выемки по изъятию СМС-переписки не производилось, источник происхождения данного доказательства не установлен; в судебном заседании потерпевшая пояснила, что выемки СМС-переписки не было, ее телефон не изымался и не осматривался следователем; нож, по эпизоду разбойного нападения на Ш., изъят и принят в качестве доказательства по делу с нарушением процедуры изъятия и оформления в соответствии с требованиями УПК РФ. Вопреки требованиям закона, предусматривающим, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и может быть принято только по результатам его проверки и оценки в соответствии с положениями ст. 87, 88 УПК РФ, суд принял эти доказательства без должной проверки и оставил без внимания ходатайство адвоката в части изложенных доводов.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должна содержать описание преступного деяния с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, как они установлены судом; недопустимо перенесение в приговор показаний допрошенных по уголов-

ному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства (п. 1 ст. 307 УПК РФ, п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре»).

Анализ содержания постановленного судом обвинительного приговора в отношении Ф. и К. фактически свидетельствует о том, что он по существу и в значительной своей части, а именно в той, в которой излагаются описание преступных деяний, совершенных осужденными, и доказательства их вины, является копией данных обвинительного заключения с сохранением стилистических оборотов и ошибок, допущенных в данном документе, без учета результатов проведенного судебного разбирательства. В частности, по эпизоду разбоя, совершенного в отношении Ш., суд неизменно, в том числе относительно времени договоренности о совершении преступления между осужденными, инициатора преступления, приспособлений для сокрытия личностей, последовательности их действий, несмотря на то, что в судебном заседании были установлены иные обстоятельства, нежели указанные в обвинительном заключении, копировал их в приговор, аналогично — по эпизодам краж, угона автомобиля К., что недопустимо.

Аналогичные нарушения допущены при изложении доказательств по делу. Так, непосредственно в судебном заседании в качестве свидетеля был допрошен С., данные им ранее показания в суде не оглашались. Между тем приведенные в приговоре показания указанного свидетеля отличаются от содержания его показаний, отраженных в протоколе судебного заседания, и больше соответствуют показаниям С., данным в ходе предварительного следствия. Таким образом, судом фактически не учитывались показания данного свидетеля в судебном заседании.

Анализ оценки доказательств, исследованных судом, дает основание признать, что судебное разбирательство по делу проведено поверхностно, односторонне, неполно. Многие обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, судом не проверены надлежащим образом и не получили должной оценки. **В описательно-мотивировочной части приговора суд фактически полностью скопировал все письменные доказательства и их содержание из обвинительного заключения, сохранив даже порядок их перечисления, в том числе и те, которые какого-либо значения для рассматриваемого дела не имели.**

Таким образом, изложенное в совокупности свидетельствует о том, что судебное разбирательство было проведено формально, с нарушением требований уголовно-процессуального закона, в том числе гарантированных законом прав участников уголовного процесса, включая право на беспристрастное, справедливое судебное разбирательство, с несоблюдением процедуры судопроизводства, фактически с заранее predetermined решением, составленным в основном путем воспроизведения в нем изготовленных органом предварительного расследования материалов уголовного дела и обвинительного заключения, что лишает апелляционную инстанцию возможности проверить правильность

принятого по уголовному делу решения. Проверяемый приговор составлен хаотично, бессистемно, доказательства и выводы приведены непоследовательно, что затрудняет его восприятие.

Выявленные судебной коллегией нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными и не могут быть устранены в апелляционной инстанции, в связи с чем, в соответствии с ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ, приговор подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным
делам Самарского областного суда от 20.01.2020 г. по делу
№ 22-7823/2019.*

Критерием разграничения предмета преступлений против собственности и экологических преступлений является меновая стоимость имущества, созданная общественно необходимым трудом и образующая цену товара. Природные объекты, не созданные трудом человека, не могут являться предметом хищения

Приложение человеческого труда является необходимым фактором для перехода предметов материального мира из категории природного богатства в категорию созданных человеческим трудом товарно-материальных ценностей. Изъятие предметов, в которые вкладывается труд, образует хищение имущества, если труд является элементом производства товаров.

По любому имущественному преступлению должен быть установлен предмет хищения — изымаемое или обращаемое имущество, а также факт противоправного изъятия такого имущества.

Приговор по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ по факту кражи лесных насаждений, являющихся собственностью Российской Федерации, произрастающих на участке, отнесенном к землям сельскохозяйственного назначения, отменен.

Ш. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 6 лет со штрафом в размере 1 млн рублей с отбыванием основного наказания в исправительной колонии общего режима.

На основании требований ст. 297 УПК РФ приговор может быть признан законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

Несоответствие обвинительного приговора требованиям ст. 297 УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела и влекущим его отмену в кассационном порядке.

Согласно положениям п. 1 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

В силу требований пп. 1, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

Вышеуказанные требования уголовно-процессуального закона при постановлении обжалуемого приговора в полном объеме не выполнены.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Таким образом, по любому имущественному преступлению должен быть установлен предмет хищения — изымаемое или обращаемое имущество, а также факт противоправного изъятия такого имущества.

Обжалуемый приговор содержит противоречивые выводы суда относительно предмета инкриминируемого Ш. хищения, а также не содержит указания на способ совершенного хищения.

Так, согласно описанию преступного деяния, признанного судом доказанным и приведенного в описательно-мотивировочной части обжалуемого приговора, преступные действия были совершены Ш. с целью хищения лесных насаждений, произрастающих в Вельском районе Архангельской области. К выводу о совершении Ш. кражи лесных насаждений, являющихся собственностью Российской Федерации, произрастающих на участке, отнесенном к землям сельскохозяйственного назначения и предоставленном в аренду ОАО «Агрофирма Вельская» для ведения сельскохозяйственного производства, пришел и суд апелляционной инстанции.

Вместе с тем произрастающие самостоятельно лесные насаждения обладают всеми свойствами природного объекта и не могут являться предметом хищения.

Критерием разграничения предмета преступлений против собственности и предмета экологических преступлений является меновая стоимость имущества, созданная общественно необходимым трудом и образующая цену товара. Приложение человеческого труда является необходимым фактором для перехода предметов материального мира из категории природного богатства в категорию созданных человеческим трудом товарно-материальных ценностей. Природные объекты, не созданные трудом человека, не могут являться предметом хищения. Изъятие предметов, в которые вкладывается труд, образует хищение имущества, если труд является элементом производства товаров.

При этом описание преступного деяния помимо указания на совершение осужденным кражи лесных насаждений, произрастающих в Вельском районе Архангельской области, также содержит указание на завладение Ш. в результате преступных действий иным имуществом — 197 067,57 м³ вырубленной ликвидной древесины, которая может являться предметом хищения.

Кроме того, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, исходя из положений п. 2 ст. 307 УПК РФ, должна содержать оценку судом всех исследованных в судебном заседании доказательств, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого. При этом должны быть изложены доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приведены мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Преступные действия Ш., по мнению суда, выразились в заключении им между ОАО «Агрофирма Вельская» и контролируемыми им ООО «ЕвростройГаз», ООО «Промснаб», ООО «Эверест» договора на выполнение работ (услуг) по расчистке земель сельскохозяйственного назначения от лесонасаждений, вывозке и утилизации порубочного материала, фактическом привлечении для выполнения работ по расчистке земель от лесонасаждений ООО «Молтранс», ООО «Пасьва-лес», ООО «Экосервис» и последующей реализации вырубленной ликвидной древесины сторонним организациям и физическим лицам.

Подсудимый Ш. утверждал, что расчистка земель сельскохозяйственного назначения от лесонасаждений была проведена им в соответствии с заключенным с ОАО «Агрофирма Вельская» договором, в полном соответствии с требованиями действующего законодательства, а лесонасаждениями он распорядился по своему усмотрению на законных основаниях.

В опровержение данных показаний осужденного и обоснование вывода о противоправности его действий суд указал, что очистка земельных участков от лесных насаждений предполагает осуществление мелиоративных мероприятий, а при заключении Ш. договоров на расчистку земель от лесных насаждений и последующем проведении рубки лесных насаждений проекты мелиорации отсутствовали. При этом мелиоративные работы на земельных участках, где осуществлялась рубка лесных насаждений, не проводились. Данные работы договорами аренды не предусматривались, велась сплошная рубка лесных насаждений с использованием специальной заготовительной техники, что подтверждается показаниями свидетелей — руководителей и сотрудников организаций, производивших лесозаготовку.

Вместе с тем, опровергая показания Ш., суд не сослался на нормы законодательства, запрещающие рубку лесных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения и их последующую утилизацию.

Согласно ст. 7 Земельного кодекса РФ земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики; земли для обеспечения космической деятельности; земли обороны, безопасности и земли специального назначения; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли запаса.

При этом земли используются в соответствии с установленным для них целевым назначением.

Суд установил, что произведенная Ш. с использованием привлеченных организаций рубка лесных насаждений осуществлялась на землях сельскохозяйственного назначения.

Согласно ст. 123 Лесного кодекса РФ на землях сельскохозяйственного назначения могут располагаться леса, которые подлежат освоению с соблюдением целевого назначения таких земель. Особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, устанавливаются Правительством РФ.

Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2020 года № 1509 утверждено Положение об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. Ст. 10 указанного Положения предусмотрено, что при осуществлении использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, допускается сплошная и выборочная рубка лесных насаждений любой интенсивности и любого возраста, за исключением лесов, расположенных в водоохраных зонах, а также в нерестоохранных полосах лесов, при условии наличия в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ такого земельного участка.

Согласно п. «д» ст. 13 вышеприведенного положения при осуществлении рубок лесных насаждений при использовании, охране, защите, воспроизводстве лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, не допускается оставление не вывезенной в установленный срок древесины в местах рубок.

Кроме того, согласно ст. 39 Федерального закона «О мелиорации земель» нарушение законодательства Российской Федерации в области мелиорации земель влечет за собой административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При изложенных обстоятельствах приговор Вельского районного суда Архангельской области от 28 ноября 2019 года нельзя признать соответствующим требованиям ст. 297 УПК РФ, в связи с чем он подлежит отмене на основании ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ ввиду допущенных существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, с передачей уголовного дела на новое судебное рассмотрение в тот же суд, но в ином составе.

Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6.10.2020 г. по делу № 77-851/2020.

Песчано-гравийная смесь не может являться предметом хищения, так как не обособлена, не обладает экономическими свойствами, меновой стоимостью и ее денежным выражением — ценой

Приговор по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ отменен.

Д. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года, ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, установлением определенных ограничений и обязанностей.

Д. и М. признаны виновными в тайном хищении общераспространенного полезного ископаемого — песчано-гравийной смеси (далее — ПГС) в объеме 48 800 м³, находившейся на участке дна и правого берега реки, — с причинением имущественного ущерба Российской Федерации группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере. Преступление совершено при обстоятельствах, изложенных в описательно-мотивировочной части приговора.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Суд апелляционной инстанции в соответствии с требованиями ст. 389.9 УПК РФ проверяет законность, обоснованность и справедливость приговора суда первой инстанции. При этом суд апелляционной инстанции должен привести обоснованные и убедительные мотивы принятого решения, изложить доводы, содержащиеся в жалобах, указать в определении доказательства, в силу которых эти доводы признаны необоснованными или несущественными.

По настоящему делу указанные требования закона судом апелляционной инстанции в должной мере не выполнены.

Так, в апелляционных жалобах адвокаты ссылались на неправильную юридическую квалификацию действий М. и Д., при этом указывая, что **песчано-гравийная смесь не является предметом хищения, так как не обособлена, не обладает экономическими свойствами, меновой стоимостью и ее денежным выражением — ценой, утверждая, что не установлен объем похищенного, сумма ущерба определена предположительно и с погрешностью.**

Суд апелляционной инстанции этим доводам адвокатов оценки не дал, а лишь указал, что действиям осужденных дана правильная юридическая оценка по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

Из показаний представителя потерпевшего А., а также свидетелей — сотрудников Г. и В. — следует, что был выявлен факт добычи ПГС на участке, за что должностное лицо — директор М. — и юридическое лицо привлекались к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.42 КоАП РФ (использование прибрежной защитной полосы водного объекта, водоохранной зоны водного объекта с нарушением ограничений хозяйственной и иной деятельности) с наложением штрафов.

Как следует из позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в постановлении от 10 февраля 2009 года, положения, изложенные в ст. 4 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежат применению как в уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях и должны толковаться как запрещающие преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же.

Данным обстоятельствам судом апелляционной инстанции также оценка не дана.

Признавая ПГС предметом хищения, суд первой инстанции исходил из того, что Башкирское производственное геологическое объединение с использованием труда специалистов соответствующего профиля путем геологического изучения, поиска месторождений обособила от окружающей среды общераспространенное полезное ископаемое — ПГС, находящуюся на вышеуказанном участке. Вместе с тем **приговор не содержит доказательств того, каким образом была обособлена и выделена из природной среды ПГС.** Суд апелляционной инстанции данные доводы жалоб признал несостоятельными, однако мотивы принятого решения не изложил.

В подтверждение размера ущерба суд сослался на результаты маркшейдерской съемки и не учел, что она производилась за период, значительно превышающий инкриминируемый, о чем в суде пояснили допрошенные свидетели — маркшейдер П. и директор А. Суд апелляционной инстанции изложенные обстоятельства также оставил без оценки.

Таким образом, содержание апелляционного определения не свидетельствует о рассмотрении апелляционных жалоб осужденных и их защитников в судебном заседании второй инстанции надлежащим образом, поскольку доводы жалоб не нашли в апелляционном определении должного разрешения и оценки.

При таких обстоятельствах апелляционное определение подлежит отмене с направлением уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение, поскольку допущенные судом апелляционной инстанции нарушения уголовно-процессуального закона ставят под сомнение выводы о законности и обоснованности приговора и не могут быть устранены судом кассационной инстанции.

*Постановление президиума Верховного Суда Республики
Башкортостан от 20.12.2017 г. по делу № 44у-288/17.*

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде

Субъективная сторона хищения (ст. 158 УК РФ)
Характеризуется прямым умыслом, если лицо, как предусмотрено ч. 2 ст. 25 УК РФ, осознавало общественную опасность своих действий, предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Отсутствие доказательств, указывающих на наличие у лица умысла на хищение чужого имущества, влечет постановление оправдательного приговора

Утеря лицом, которому вменяют хищение, сим-карты с мобильного телефона потерпевшего, из-за чего не удалось установить место нахождения последнего и вернуть ему похищенное, не дает оснований полагать о наличии у осужденного умысла на совершение преступления.

Обвинительный приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ отменен и вынесен оправдательный приговор в связи с отсутствием в действиях оправданного состава преступления.

Н. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 5 000 рублей в доход государства.

Приговором суда Н. признан виновным в совершении 22 декабря 2019 года в 00 часов 43 минуты в помещении ресторана кражи принадлежащего Ц. рюкзака с находящимся в нем имуществом с причинением ущерба на общую сумму 8 120 рублей, который для потерпевшего является значительным.

Обстоятельства совершения преступления подробно изложены в приговоре.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, заслушав позицию сторон, суд апелляционной инстанции находит приговор суда подлежащим отмене в соответствии с пп. 1, 3 ст. 389.15 УПК РФ ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела и неправильного применения уголовного закона.

Согласно п. 1 ст. 389.16 УПК РФ приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании.

В силу п. 1 ст. 389.18 УПК РФ неправильным применением уголовного закона является нарушение требований Общей части Уголовного кодекса РФ.

Изложив доказательства в приговоре, суд первой инстанции в нарушение требований ст. 88 УПК РФ не дал им должной оценки, не проанализировал и не сопоставил между собой, не в полной мере исследовал субъективную сторону инкриминируемого Н. преступления и доводы стороны защиты о недоказанности умысла на совершение преступления, вмененного

осужденному, не проверил доводы защиты, что привело к неверным выводам, которые не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Постановленный в отношении Н. приговор не соответствует требованиям ст. 297 УПК РФ.

Суд апелляционной инстанции не связан оценкой доказательств, изложенной в приговоре, вправе дать свою оценку доказательствам по правилам ст. 14, 17, 75, 88 УПК РФ, сделать иные выводы и вынести одно из решений, предусмотренных ст. 389.20 УПК РФ.

Суд апелляционной инстанции считает, что в приговоре суда первой инстанции не имеется и не приведено доказательств наличия в действиях Н. субъективной стороны вмененной ему кражи имущества потерпевшей Ц. с причинением ей значительного ущерба.

Для признания совершенного деяния преступлением в действиях лица необходимо установить наличие обязательных элементов, предусмотренных конструкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, — признаков состава преступления.

В соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Субъективная сторона хищения (ст. 158 УК РФ) характеризуется прямым умыслом, если лицо, как предусмотрено ч. 2 ст. 25 УК РФ, сознавало общественную опасность своих действий, предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, то есть прямой умысел подразумевает желание наступления двух результатов: причинения собственнику (владельцу) имущества ущерба и обогащения себя либо других лиц за счет этого имущества.

В уголовном деле отсутствуют доказательства, указывающие на наличие у Н. умысла на хищение чужого имущества.

Показания Н. об отсутствии умысла на хищение чужого имущества, о том, что он взял рюкзак потерпевшей по ошибке, приняв его за рюкзак подруги Б., а узнав, что этот рюкзак ей не принадлежит, принял все возможные меры для установления места нахождения потерпевшей Ц., разыскал ее и вернул ей ее имущество, вопреки неправильным выводам суда первой инстанции подтверждаются совокупностью исследованных в суде первой инстанции доказательств, в том числе показаниями свидетелей Н., Б., П. и А., видеозаписью с места происшествия, свидетельствуют об отсутствии у него умысла на совершение преступления.

Так, Н. показал, что, когда в кафе его друзья и другая компания, с которой произошел конфликт, встали из-за своих столиков и покинули помещение, он подошел к одному из столиков, полагая, что именно за ним сидели его дру-

зья, и взял со стоящего стула рюкзак. Спросив об этом у своего брата Н., который предположительно ответил, что рюкзак их компании, решил, что рюкзак принадлежит девушке из их компании, после чего забрал этот рюкзак, положив его в свой, и унес.

Достоверность данных показаний подтверждена:

— показаниями в суде свидетеля Н. о том, что в кафе, когда обе компании по требованию охранника выходили оттуда, к нему подошел брат Н. и поинтересовался, чей рюкзак стоит на стуле за столиком у стены, где никого не было. Он, подумав о принадлежности рюкзака девушке Б. из их компании, ответил, что рюкзак, возможно, ее;

— протоколом осмотра оптического компьютерного диска с видеозаписью и просмотренной в суде первой инстанции видеозаписью с камеры наблюдения кафе, из которых следует, что один из парней (по показаниям, брат осужденного Н.) указывает молодому человеку, по внешним признакам схожему с Н., на стул, после чего осужденный подходит к стулу, на котором находится рюкзак, снимает с себя свой рюкзак, расстегивает его, убирает рюкзак со стула к себе в рюкзак, застегивает свой рюкзак и идет к выходу из помещения.

Также показания Н. о том, что через несколько дней, когда к нему домой пришла Б. и выяснилось, что этот рюкзак, схожий по цвету и марке с имеющимся у Б., ей не принадлежит, он вместе со своими друзьями предпринял все меры, чтобы найти потерпевшую Ц. и вернуть ей ее имущество, подтверждены показаниями свидетелей Н., П. и А.

Данные обстоятельства убеждают суд апелляционной инстанции в отсутствии у Н. умысла на тайное хищение имущества потерпевшей Ц.

Доводы прокурора в судебном заседании, что Н. узнал о возбуждении уголовного дела по факту похищения имущества у потерпевшей Ц. в кафе и, осознавая, что в ближайшее время будет установлен правоохранительными органами ввиду наличия в кафе камер наружного наблюдения, вынужден был вернуть вещи потерпевшей, суд находит несостоятельными по следующим основаниям.

Н., как следует из приведенных доказательств, предпринял меры к установлению места нахождения владелицы рюкзака Ц. для возврата ей имущества 25—27 декабря 2019 года, то есть значительно раньше времени возбуждения уголовного дела — 30 декабря 2019 года.

Само уголовное дело было возбуждено в отношении неустановленного лица и до возврата Н. 4 января 2020 года рюкзака с вещами. Видеозапись с камеры наблюдения кафе была изъята лишь 15 января 2020 года.

По показаниям Н., на момент встречи с Ц. он не знал о возбуждении уголовного дела по факту хищения ее рюкзака и узнал об этом от потерпевшей. Данные показания Н. ничем не опровергнуты и в соответствии с требованиями ст. 14 УПК РФ толкуются в его пользу. Показания потерпевшей Ц. о том, что Д. сообщил об информированности Н. о возбуждении уголовного дела, ничем не подтверждены.

Утеря Н. сим-карты с неработающего мобильного телефона Ц. не дает оснований полагать о наличии у осужденного умысла на совершение преступления. Согласно показаниям Н. в суде первой инстанции и пояснениям в суде апелляционной инстанции, сим-карта с телефона потерпевшей была утеряна, когда он и ребята вставляли ее в свои телефоны, чтобы дозвониться с нее абонентам из числа контактов потерпевшей и установить место нахождения Ц. для возврата ей Н. взятых по ошибке вещей. Пропажа сим-карты была компенсирована потерпевшей деньгами в размере 10 тыс. рублей.

Суд апелляционной инстанции приходит к выводу об отсутствии в действиях Н. состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью достоверных доказательств, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

Ввиду того, что допущенное судом нарушение может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 389.20, ст. 389.23 УПК РФ, устраняет данное нарушение, отменяя обвинительный приговор суда первой инстанции и принимая решение о вынесении оправдательного приговора.

Таким образом, в уголовном деле отсутствуют доказательства, свидетельствующие о виновности Н. в совершении инкриминируемого ему преступления.

Суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ, считает необходимым отменить обвинительный приговор и вынести в отношении Н. оправдательный приговор в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием в его действиях состава преступления) с признанием на основании ч. 1 ст. 134 УПК РФ за ним права на реабилитацию и разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием, в соответствии с положениями ст. 135, 136, 138 УПК РФ.

*Апелляционный приговор Московского городского суда
от 9.12.2020 г. по делу № 10-187880/2020.*

Значительность ущерба для потерпевшего необходимо безусловно доказать. Одних его показаний для квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба недостаточно

Действия осужденного переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ.

М. осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (два преступления) к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

Исходя из требований ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, то есть постановленным в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основанным на правильном применении уголовного закона.

Данные требования судом первой инстанции при постановлении приговора в отношении М. в части квалификации выполнены не были.

В судебном заседании М. вину по предъявленному ей обвинению признала полностью, дело рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства.

Судом первой инстанции действия М. по каждому эпизоду квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража, то есть хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину.

В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к ст. 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство.

Как следует из приговора суда и материалов уголовного дела, уровень доходов потерпевшей, ее имущественное положение ни в суде, ни следовательно в полном объеме не выяснялись. В судебном заседании были исследованы и приобщены справки о составе семьи потерпевшей М. и о наличии пенсии у супруга потерпевшей в сумме 19 760 рублей. Сама потерпевшая в судебном заседании участие не принимала. Из материалов дела и приговора суда следует, что М. является индивидуальным предпринимателем. Предметом хищения явилось имущество, которое использовалось потерпевшей в целях получения материальной выгоды при осуществлении ею предпринимательской деятельности. Сведения о доходах потерпевшей от предпринимательской деятельности в сумме 15 000 рублей в месяц суд в приговоре привел из показаний потерпевшей, данных ею в ходе предварительного следствия. Каких-либо иных данных о доходах М., связанных с предпринимательской деятельностью, в судебном заседании

представлено не было и судом не установлено. При таких обстоятельствах **значимость для потерпевшей ущерба, причиненного преступлением М., нельзя признать безусловно доказанной.**

При указанных обстоятельствах, принимая во внимание положения ч. 3 ст. 14 УПК РФ, согласно которым все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в его пользу, квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (причинение значительного ущерба гражданину), подлежит исключению по обоим преступлениям.

При таких обстоятельствах в соответствии с вышеназванными положениями закона действия М. по каждому из преступлений подлежат квалификации по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

*Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам
Второго кассационного суда от 8.04.2021 г. по делу № 77-879/2021.*

Больничная палата не может быть признана жилищем

Если суд не выяснял материальное положение потерпевших, значимость для них утраченного имущества, то его выводы о значительности причиненного потерпевшим ущерба нельзя признать обоснованными и мотивированными, поскольку они основаны на предположениях.

Приговор по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ отменен.

Приговором Гагаринского районного суда г. Москвы от 7 июня 2017 года с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений Щ. осуждена по пп. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (четыре преступления) — к 3 годам лишения свободы за каждое, по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (два преступления) — к 2 годам 6 месяцам лишения свободы за каждое. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно Щ. назначено наказание в виде 4 лет 5 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Признавая Щ. виновной в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, суд указал, что действиями осужденной потерпевшим был причинен значительный материальный ущерб.

При этом суд не выяснял материальное положение потерпевших, значимость для них утраченного имущества, в связи с чем его выводы о значительности причиненного потерпевшим ущерба нельзя признать обоснованными и мотивированными, поскольку они основаны на предположениях.

Также из материалов дела усматривается, что Щ. совершила все инкриминируемые ей преступления в помещении ФГБУ «Российская детская клиническая больница». Суд квалифицировал действия Щ. как кражи, совершенные с незаконным проникновением в жилище потерпевших, признав таковым больничные бокс-палаты. При этом **суд оставил без внимания, что больничная палата не является помещением для проживания, так как предназначена не для проживания людей, а для оказания им медицинской помощи. Больничная палата не оборудована запирающими устройствами, доступ туда не ограничен. Таким образом, больничная палата в свете требований уголовного закона не может быть признана жилищем.**

В связи с изложенными нарушениями президиум Московского городского суда апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда в отношении Щ. отменил, уголовное дело направил на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда.

*Обзор судебной практики по уголовным делам президиума
Московского городского суда за первое полугодие 2018 года.*

Если адвокат не задал ни одного вопроса подзащитному, значит, он самоустранился от защиты, оставил своего доверителя без защиты. Судья не вправе первым допрашивать подсудимого

Если судья или иные участники уголовного судопроизводства задают вопросы, они подлежат обязательному занесению в протокол судебного заседания.

Судья и иные участники не могут задавать наводящие вопросы.

Протокол судебного заседания и аудиопротокол должны соответствовать друг другу по содержанию.

Приговор по пп. «а», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ отменен.

Б. осуждена по пп. «а», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ей назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 10 месяцев с отбыванием в колонии общего режима. Этим же приговором Г. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год 8 месяцев, на основании положений ст. 73 УК РФ назначенное ему наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 1 год 6 месяцев.

В силу ст. 46—52, ч. 1 и 2 ст. 118, ч. 3 ст. 123 и ст. 126 Конституции РФ судебная функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующих субъектов. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях — также потерпевшими.

Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром.

Возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения не согласуется с предписаниями ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют ст. 10, 118 и 120 Конституции РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд обязан разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Согласно ч. 1 ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные настоящим кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон.

В силу ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В соответствии с ч. 3 ст. 274 УПК РФ, допрос подсудимого в судебном заседании проводится в соответствии со ст. 275 УПК РФ, с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия.

Согласно ч. 1 ст. 275 УПК РФ при согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения.

В соответствии с ч. 3 ст. 275 УПК РФ суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами.

Между тем вышеуказанные конституционные положения и требования уголовно-процессуального закона судом первой инстанции были нарушены.

Как следует из протокола судебного заседания от 13 марта 2020 года, председательствующий разъяснил подсудимому Г. право давать показания в любой момент судебного следствия. Подсудимый Г. изъявил желание давать показания на стадии судебного следствия после предъявления доказательств стороной обвинения.

Вместе с тем, как установлено судом апелляционной инстанции при исследовании в судебном заседании аудиозаписи протокола судебного заседания суда первой инстанции, **в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства допрос подсудимого Г. в судебном заседании 27 мая 2020 года начал и провел судья А.**

Судьей задавались вопросы, направленные на установление юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию в силу ст. 73 УПК РФ (событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма вины и его мотивы). При этом **в протоколе судебного заседания ни один из заданных судьей А. подсудимому Г. вопросов не отражен.**

Кроме того, **содержание заданных судьей вопросов в некоторых случаях может характеризовать их как наводящие, что запрещено ч. 1 ст. 275 УПК РФ, тогда как именно к компетенции председательствующего относятся полномочия, связанные с недопущением наводящих вопросов.**

Таким образом, защитник в нарушение ч. 1 ст. 275 УПК РФ был фактически лишен права на допрос подсудимого первым.

Наряду с этим, как следует из аудиопrotокола судебного заседания, после допроса Г. председательствующим А. на вопрос последнего адвокат Б. пояснила, что вопросов к подзащитному у нее нет. В протоколе судебного заседания также зафиксировано, что после допроса Г. государственным обвинителем П. у остальных участников судебного разбирательства к подсудимому Г. вопросов не имеется.

Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года (в редакции от 31 мая 2020 года) № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты (п. 6 ч. 4 ст. 6 указанного закона).

Таким образом, **адвокат самоустранился от оказания юридической помощи своему подзащитному Г.**

Вследствие допущенных председательствующим А. нарушений УПК РФ, а также вследствие самоустранения адвоката Б. от оказания юридической помощи Г. последний был лишен возможности реализовать гарантированные ему законом права, что повлекло нарушение его права на защиту в суде первой инстанции.

В соответствии с ч. 1 ст. 259 УПК РФ в ходе каждого судебного заседания ведется протокол. В ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопrotоколирование).

Выявленные разночтения между содержанием протокола судебного заседания и аудиопrotоколом свидетельствуют о том, что в нарушение ч. 3 ст. 259 УПК РФ в протоколе содержатся иные сведения о действиях суда, не соответствующие фактическому ходу судебного заседания.

Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что **суд первой инстанции нарушил порядок исследования доказательств, предложенный государственным обвинителем.**

Согласно протоколу судебного заседания, государственный обвинитель предложил начать судебное следствие с допроса представителя потерпевшей, далее допросить свидетелей со стороны обвинения, исследовать письменные материалы уголовного дела, в дальнейшем допросить подсудимого.

Вопреки вышеизложенному суд первой инстанции допросил подсудимого до исследования письменных материалов уголовного дела, обличающих, по мнению стороны обвинения, Г. в совершении инкриминируемого ему деяния, при этом не поставив на обсуждение сторон вопрос об изменении очередности исследования доказательств, изначально предложенной государственным обвинителем.

Допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения участников уголовного судопроизводства гарантированных УПК РФ прав, выразившегося в нарушении права на защиту

и на беспристрастный суд, являются существенными, повлиявшими на вынесение законного и обоснованного решения и неустраняемыми в суде апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах обжалуемый приговор подлежит отмене в полном объеме с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение со стадии назначения дела к слушанию в тот же суд, но в ином составе.

*Апелляционное определение Нижегородского областного суда
от 18.08.2020 г. по делу № 22-4356/2020.*

Прежде чем взыскать с осужденных денежные средства по иску потерпевшего, суд должен признать их гражданскими ответчиками, вынести соответствующие постановления, разъяснить права гражданского ответчика осужденным

Приговор по пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ в части разрешения гражданского иска отменен.

Приговором Савеловского районного суда города Москвы от 21 сентября 2017 года Ш., А. и О. осуждены за совершение трех преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы сроком на 4 года со штрафом в размере 500 тыс. рублей за каждое преступление. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ каждому из осужденных назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы со штрафом в размере 1 млн рублей с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Постановлено взыскать с осужденных Ш., А. и О. в пользу потерпевшей в счет возмещения материального ущерба денежные средства в сумме 3 млн рублей солидарно. Вместе с тем, как усматривается из материалов уголовного дела, ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании осужденные Ш., А. и О. не были признаны гражданскими ответчиками, соответствующих постановлений не выносилось, права гражданского ответчика осужденным не разъяснялись. В связи с изложенным президиум Московского городского суда приговор суда в части разрешения гражданского иска отменил, а уголовное дело в этой части направил на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Обзор судебной практики по уголовным делам кассационной инстанции Московского городского суда за первое полугодие 2019 года.

Адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя

Приговор по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ отменен, так как подсудимый пояснял об отсутствии у него корысти и цели личного обогащения, что согласно п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ свидетельствует об отсутствии в его действиях состава хищения, а защитник указывал в прениях на необходимость квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, то есть на совершение подсудимым хищения.

А. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 3 годам 4 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год.

А. признан виновным в совершении кражи имущества Б. с банковского счета.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым, постановленным в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основанным на правильном применении уголовного закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ приговор признается постановленным с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, когда судом допущены такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Исходя из положений ч. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник — лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

По смыслу закона защитник является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, однако его позиция по уголовному делу и круг полномочий определяются тем, что он является участником судопроизводства, выступающим на стороне защиты и призванным отстаивать права и интересы подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с пп. 3, 4 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года (в редакции от 31 июля 2020 года) № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя**, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя, а также делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

Согласно материалам уголовного дела подсудимый А. признавал совершение им действий, описанных в предъявленном ему обвинении, однако в своих показаниях, в том числе в судебных прениях, пояснял об отсутствии у него коры-

сти и цели личного обогащения, что согласно п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ свидетельствует об отсутствии в его действиях состава хищения и в связи с этим предполагает оправдание по предъявленному обвинению.

Несмотря на позицию подсудимого А., защитник В., осуществляя его защиту в суде первой инстанции, указывала в прениях на необходимость квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, то есть на совершение подсудимым хищения.

Вследствие этого позиция и доводы подсудимого об отсутствии у него корыстной цели при совершении деяния, то есть об отсутствии состава преступления, остались без оценки и поддержки со стороны защитника, в результате чего подсудимый А. был лишен права на защиту, гарантированного Конституцией РФ и УПК РФ.

При этом после речи защитника судебное следствие не возобновлялось, меры к устранению нарушенного права на защиту в отношении А. судом не принимались.

Таким образом, при рассмотрении уголовного дела в отношении А. судом были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, поэтому состоявшийся в отношении него приговор подлежит отмене, а уголовное дело — направлению на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе со стадии назначения судебного заседания.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам
Ивановского областного суда от 16.03.2021 г. по делу № 22-0455.*

Хищения чужого имущества не являются преступлениями с повышенной степенью общественной опасности

Из приговора исключены сведения, что преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, имеет повышенную степень общественной опасности, поскольку направлено против частной собственности. Наказание смягчено.

А. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года, по ч. 1 ст. 158 УК РФ — на срок 1 год. Постановлено на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначить наказание в виде лишения свободы на срок 2 года 6 месяцев.

Согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего кодекса.

При индивидуализации уголовного наказания суды в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ должны учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, сведения о личности виновного, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Суды обязаны исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в ст. 2, 43 УК РФ.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ суды не должны допускать фактов назначения виновным наказания, которое по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости.

В силу ст. 6 УК РФ справедливость назначенного подсудимому наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Предусмотренный ст. 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим.

Однако суд при назначении наказания А. учел повышенную степень общественной опасности совершенных им преступлений небольшой и средней тяжести, поскольку они направлены против частной собственности, а также тот факт, что А. ранее неоднократно судим, в том числе к реальному лишению свободы, тем самым фактически расширив перечень обстоятельств, отягчающих наказание, в связи с чем данное обстоятельство подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора как противоречащее требованиям ст. 6, 60 УК РФ.

Наказание смягчено.

*Апелляционное постановление Воронежского областного суда
от 25.08.2020 г. по делу № 22-1678.*

Суд не вправе ссылаться при назначении наказания на тот факт, что подсудимый не работает

Из описательно-мотивировочной части приговора исключена ссылка суда на то, что осужденный не работает, наказание по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ смягчено.

Д. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 2 годам 10 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Коллегия находит, что приговор суда подлежит изменению в связи со следующим.

Подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора при назначении осужденному наказания ссылка суда на то, что Д. не работает, как не основанная на законе, поскольку ст. 37 Конституции РФ провозглашает свободу труда и не указывает на юридическую обязанность гражданина трудиться.

Наказание смягчено.

*Апелляционное определение Ростовского областного суда
от 9.03.2021 г. по делу № 22-1080/2021.*

Если судья до постановления приговора высказал позицию относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств, то он не может участвовать в производстве по уголовному делу

Приговоры по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ отменены.

По приговору Октябрьского районного суда г. Красноярска от 20 октября 2017 года А. осужден по ч. 1 ст. 118, п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 3 ст. 69 УК РФ на 6 лет 6 месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия отменила приговор на основании ст. 389.15 УПК РФ, усмотрев существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в частности, вынесение приговора незаконным составом суда.

По смыслу ст. 61, 63 УПК РФ, правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлениях от 2 июля 1998 года № 20-П, от 23 марта 1999 года № 5-П, определениях от 1 ноября 2007 года № 799-О-О, от 17 июня 2008 года № 733-О-П, участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой уже исследовавшихся ранее с его участием обстоятельств и доказательств по делу, является недопустимым, ибо высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, допустимости, достоверности и достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного решения.

Пересматриваемый по настоящему делу приговор постановлен председательствующим судьей Октябрьского районного суда г. Красноярска З.

При этом судья З. при рассмотрении этого же уголовного дела в постановлении от 9 октября 2017 года высказала свое мнение о допустимости собранных по делу доказательств: протоколов предъявления лиц для опознания от 28 сентября 2016 года и 11 октября 2016 года, а также компакт-диска, содержащего видеозапись от 22 сентября 2016 года. Эти же доказательства являлись предметом рассмотрения при постановлении приговора, поскольку при обосновании виновности А. суд в приговоре сослался на перечисленные доказательства как на допустимые.

Следовательно, выраженная председательствующим судьей З. в постановлении от 9 октября 2017 года позиция относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, связала ее при принятии итогового решения по данному делу и повлияла на ее беспристрастность и независимость.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 11.01.2018 г. по делу № 22-200/2018.

Приговором Турочакского районного суда Республики Алтай от 29 марта 2019 года Д. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ ему назначено наказание в виде 4 лет 4 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Алтай от 30 мая 2019 года приговор оставлен без изменения.

Проверив материалы уголовного дела, судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к следующим выводам.

Постановлением от 28 февраля 2018 года судьи Б. Турочакского районного суда Республики Алтай уголовное дело, по которому постановлен обжалуемый приговор, было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В постановлении о возвращении дела прокурору судом была дана оценка показаниям потерпевшего, свидетелей, алиби осужденного Д.

Фактически суд в косвенной форме указал на доказанность вины подсудимого в краже, совершенной в отличие от указанного в обвинительном заключении время, так как Д. предоставил алиби.

Изложенные выше обстоятельства и высказанные судом первой инстанции суждения свидетельствуют о предрешении им вопросов, предусмотренных ст. 299 УПК РФ и подлежащих разрешению при постановлении приговора.

С учетом этого судья Б. должен был устраниваться от дальнейшего участия в производстве по уголовному делу, однако 29 марта 2019 года уголовное дело по существу предъявленного Д. обвинения рассмотрено тем же судьей с вынесением приговора.

Указанные обстоятельства ставят под сомнение независимость и беспристрастность судьи, постановившего обвинительный приговор в отношении Д., а следовательно, и справедливость судебного разбирательства по данному уголовному делу.

Допущенное судом первой инстанции существенное нарушение уголовно-процессуального закона, обусловившее обоснованные сомнения в вынесении судебного решения законным составом суда, в ходе апелляционного производства по делу выявлено и устранено не было.

Принимая во внимание изложенное, обжалуемые приговор и апелляционное постановление отменены с передачей дела на новое судебное рассмотрение.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2020 г. по делу № 77-431/2020.

Выводы о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица в совершении преступления могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении по делу.

Высказанная судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела позиция по данному вопросу препятствует дальнейшему участию судьи в производстве по делу и постановлении приговора или иного итогового решения.

Приговором Михайловского районного суда Алтайского края от 6 сентября 2019 года Р. осужден по ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на основании ч. 3 ст. 69, ч. 1 ст. 71, ст. 70 УК РФ к 3 годам лишения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 1 ноября 2019 года приговор изменен с исключением из числа доказательств заключения судебно-медицинской экспертизы, а также в части назначенного наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила указанные судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Таким образом, при отсутствии приговора судья не вправе делать выводы о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица в совершении преступления. Эти выводы могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении, постановленном по результатам непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех обстоятельств уголовного дела.

Согласно ч. 2 ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела.

Как следует из материалов данного уголовного дела, 9 июля 2019 года судья М., в производстве которой находилось дело, рассмотрела вопрос о мере пресечения в отношении Р. и продлила срок его содержания под стражей, при этом установив в постановлении, что Р. совершил инкриминируемые преступления в период условного осуждения.

Таким образом, до принятия итогового решения по делу судья высказала позицию относительно наличия событий преступлений и сделала вывод о виновности Р., тем самым ограничив свободу и независимость суда при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора.

Вместе с тем в нарушение требований ч. 1 ст. 62 УПК РФ судья М. не устранилась от рассмотрения дела, рассмотрела его по существу и постановила в отношении Р. обвинительный приговор, допустив нарушение фундаментальных основ уголовного судопроизводства.

*Определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого
кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2020 г. по делу
№ 77-1313/2020.*

Если суд известил стороны о назначении рассмотрения уголовного дела менее чем за пять суток до его начала, приговор подлежит отмене ввиду нарушения гарантированного Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом права обвиняемого на защиту, поскольку это ограничивает его возможность надлежащим образом подготовиться к судебному заседанию

Приговор по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 2 ст. 162 УК РФ отменен.

Приговором Советского районного суда г. Липецка от 26 мая 2020 года Р. осужден по ч. 1 ст. 158 (три эпизода), ч. 1 ст. 161, ч. 2 ст. 162 на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к 7 годам лишения свободы.

Согласно ч. 3 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите.

В соответствии с ч. 4 ст. 231 УПК РФ стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за пять суток до его начала.

Вместе с тем из материалов дела следовало, что Р. о дате и времени судебного заседания, назначенного на 10 часов 30 минут 21 февраля 2020 года, был извещен 18 февраля 2020 года, то есть менее чем за пять суток до его начала.

При этом вопреки разъяснению, содержащемуся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 года «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд, не проверив соблюдение установленного законом срока извещения обвиняемого о дате, времени и месте заседания суда первой инстанции, не выяснив, имел ли обвиняемый достаточное время для подготовки к защите, приступил к рассмотрению дела по существу, что подтверждалось протоколом судебного заседания.

Приговор в отношении Р. отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии подготовки к судебному разбирательству.

Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда за III квартал 2020 г.

Стоимость похищенного у потерпевших имущества и, соответственно, размер причиненного им ущерба не может быть установлен судом исключительно из показаний потерпевших при отсутствии в материалах уголовного дела каких-либо объективных сведений о его фактической стоимости на момент совершения преступления

Приговор по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ отменен.

Т. осужден за ряд преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, к 7 годам лишения свободы.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением.

В соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ крупным размером в данной статье признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. рублей, а особо крупным — 1 млн рублей.

По смыслу уголовного закона, регулирующего ответственность за преступления против собственности, стоимость похищенного имущества должна определяться исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения эксперта (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

Указанным требованиям закона приговор суда не соответствует.

Согласно приговору, Т. признан виновным и осужден за совершение краж с незаконным проникновением в жилище группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданам, а также в крупном и особо крупном размерах.

Однако, как усматривается из приговора, стоимость похищенного у потерпевших имущества и, соответственно, размер причиненного им ущерба был установлен судом исключительно из показаний потерпевших при отсутствии в материалах уголовного дела каких-либо объективных сведений о его фактической стоимости на момент совершения преступления.

Изложенные обстоятельства ставят под сомнение законность и обоснованность принятого судами решения об осуждении Т. за кражи имущества, совершенные в значительном, крупном и особо крупном размерах.

Судом апелляционной инстанции при проверке законности и обоснованности приговора данные нарушения закона, вопреки требованиям ст. 389.9 УПК РФ, выявлены и устранены не были.

Допущенные судом апелляционной инстанции нарушения уголовно-процессуального закона, в силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, являются существенными и повлиявшими на исход дела, приведшими к нарушению прав Т. на справедливое судебное разбирательство, в связи с чем судебная коллегия считает доводы кассационной жалобы в этой части обоснованными и подлежащими частичному удовлетворению и полагает необходимым отменить апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 июля 2017 года с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение в Московский городской суд в ином составе суда.

Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2020 г. по делу № 77-1967/2020.

Не является преступлением, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности

Хищение в поезде планшетного компьютера с сим-картой у пассажира, ранее вышедшего и забывшего свои вещи, расценено судом как малозначительное.

Приговор отменен, производство по делу прекращено в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления.

С. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 5 000 рублей в доход государства.

С. признан виновным в краже, то есть в тайном хищении чужого имущества.

Преступление совершено в городе Москве при обстоятельствах, подробно изложенных в приговоре суда. Так, 29 декабря 2016 года примерно в 10 часов 38 минут С., находясь в вагоне поезда дальнего следования, на станции Москва-Ярославская похитил оставленный ранее вышедшим в городе Нижний Новгород пассажиром П. планшетный компьютер с сим-картой общей стоимостью 3 100 рублей, получив возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению.

Планшет находился у С. до 6 мая 2017 года, после чего был изъят и возвращен потерпевшему.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, каковым признается судебный акт, постановленный в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основанный на правильном применении уголовного закона. Для осуществления задач уголовного законодательства, которыми являются охрана прав и свобод гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений, УК РФ устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества и (или) государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

При этом не является преступлением, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Фактические обстоятельства дела судом установлены правильно. Вместе с тем, признавая С. виновным в совершении кражи, то есть тайного хищения чужого имущества, суд не принял во внимание, что **данное деяние с учетом его объективной стороны, мотивов и целей совершения не только не причинило, но и, в силу своего содержания и направленности, не могло причинить вреда охраняемым уголовным законом интересам, что свидетельствует о его малозначительности, исключающей в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ привлечение совершившего его лица к уголовной ответственности**, в связи с чем состоявшиеся судебные решения не могут быть признаны законными, а потому подлежат отмене с прекращением производства по делу в связи с отсутствием в действиях С. состава преступления.

В соответствии со ст. 134 УПК РФ президиум Московского городского суда признает за С. право на реабилитацию.

Постановление президиума Московского городского суда от 3.04.2018 г. по делу № 44у-75/2018.

Б. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к обязательным работам сроком на 150 часов.

Согласно приговору, 2 мая 2018 года примерно в 15 часов Б. тайно похитил три железобетонные приставки к столбам ЛЭП стоимостью 1 120,47 рубля каждая, лежавшие на земле возле дома № 2 по улице Приозерной села Красная Слобода Суземского района Брянской области, причинив ПАО «МРСК Центр Брянскэнерго» материальный ущерб в размере 3 361,42 рубля.

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

При решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности необходимо иметь в виду, что по смыслу закона **деяние, формально подпадающее под признаки того или иного вида преступления, должно представлять собой достаточную степень общественной опасности, которая свидетельствует о способности деяния причинить вред общественным отношениям.**

Как усматривается из представленных материалов, Б. похитил три железобетонные приставки к столбам ЛЭП стоимостью 1 120,47 рубля каждая по состоянию на апрель 2018 года.

Квалифицируя действия осужденного как кражу, суд первой инстанции не учел вид и состояние похищенного имущества, в частности, год изготовления (1981), срок службы (18 лет) и срок фактической эксплуатации

(37 лет), замену на новое оборудование, а также тот факт, что после демон-
тажа электроопоры лежали без присмотра на территории села на протяже-
нии трех недель.

Суд также не учел размер причиненного собственнику материального
ущерба, всего лишь на 861,42 рубля превышающий размер хищения, за кото-
рое предусмотрена административная ответственность; **не привел мотивов,
по которым счел, что действия Б. являются достаточно общественно опас-
ными для признания содеянного им преступлением.**

Данные обстоятельства оставлены без внимания и оценки судом апелляци-
онной инстанции.

С учетом вышеизложенного президиум находит, что преступные действия
осужденного в силу своей малозначительности не представляют обществен-
ной опасности, следовательно, не являются преступлением, в связи с чем судеб-
ные решения подлежат отмене, а уголовное дело — прекращению на основании
п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с признанием за Б. права на реабилитацию в соответствии
с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

*Постановление президиума Брянского областного суда
от 28.11.2018 г. по делу № 44-У-92/2018.*

При квалификации деяния как неоконченного суд обязан установить достоверно и бесспорно, какое конкретно имущество намеревался похитить подсудимый

Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению.

Приговор по ч. 1 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ отменен, уголовное дело в этой части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ прекращено за отсутствием в деянии состава преступления.

О. осужден по ч. 1 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы, по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ — к 3 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ — к 4 годам 6 месяцам лишения свободы, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем полного сложения наказаний — к 9 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Такие нарушения по настоящему делу допущены.

В соответствии со ст. 73 УК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию, наряду с другими обстоятельствами, событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения), характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Согласно ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

В нарушение указанных положений уголовно-процессуального закона судом не установлено и при описании преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не указано, какое конкретно имущество намеревался похитить О., какова стоимость каждой вещи и исходя из каких расчетов установлена сумма материального ущерба.

В силу ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Поскольку судом достоверно не установлен крупный размер предполагаемого ущерба, действия О. по приготовлению к краже состава уголовно наказуемого деяния не образуют.

При таких обстоятельствах приговор и апелляционное определение в части осуждения О. по ч. 1 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ подлежат отмене с прекращением уголовного дела в этой части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

*Кассационное определение судебной коллегии по уголовным
делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции
от 11.02.2021 г. по делу № 77-234/2021.*

ГЛАВА 2. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ГРАБЕЖЕ

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования

Выполнение лицом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, при отсутствии обязательного признака субъективной стороны — корыстного мотива — исключает наличие в его действиях состава указанного преступления. Явка с повинной сама по себе не есть доказательство виновности лица в совершении корыстного преступления, она должна быть сопоставлена с иными доказательствами по делу

Приговор в части осуждения лица по ч. 1 ст. 161 УК РФ отменен, производство по делу в этой части прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

С. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 9 месяцев, по ч. 1 ст. 161 УК РФ — сроком на 1 год 6 месяцев. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Такие нарушения допущены по настоящему делу.

Состоявшиеся судебные решения в части осуждения С. по ч. 1 ст. 161 УК РФ нельзя признать законными и обоснованными, они подлежат отмене по следующим основаниям.

Согласно приговору, указанное преступление совершено С. при следующих обстоятельствах.

26 апреля 2019 года С. находился в квартире № 7 дома № 11, в которую пришла Б. и, обнаружив на кухне указанной квартиры отсутствие принадлежащего ей холодильника «Стинол», потребовала от С. его возврата. По данному факту между С. и Б. возник словесный конфликт, в ходе которого Б. достала мобильный телефон марки «Самсунг GT-E1080» и, предупредив С. о том, что собирается звонить в полицию, стала набирать номер телефона. В этот момент у С. возник умысел на открытое хищение мобильного телефона у Б. с целью, чтобы она не позвонила в полицию и не был установлен факт хищения им холодильника «Стинол», принадлежащего Б. Реализуя задуманное, С. подошел к Б. и, осознавая, что указанный мобильный телефон ему не принадлежит и он не имеет законного права им распоряжаться, открыто похитил его, выхватив из руки последней. Б. потребовала от С. вернуть телефон, однако С. продолжил удерживать его при себе, распорядившись им в дальнейшем по своему усмотрению, причинив Б. материальный ущерб в размере 500 рублей.

В основу выводов о виновности осужденного в совершении указанного преступления суд положил следующие доказательства:

— показания С., который заявил, что вину в предъявленном обвинении признает в полном объеме и не оспаривает того, что действительно забрал телефон у Б., но сделал это не с целью хищения, а для того, чтобы воспрепятствовать ее звонку в полицию с сообщением о совершенном им ранее хищении холодильника;

— показания потерпевшей Б., которая пояснила, что когда С. отказывался возвращать ей похищенный холодильник, она сказала ему, что обратится по данному факту в полицию с заявлением и достала из кармана принадлежащий ей мобильный телефон. С., увидев, что она набирает номер полиции, выхватил из ее руки телефон для того, чтобы она не смогла по нему позвонить и вызвать полицию, однако телефон упал на пол. С. поднял телефон и положил в карман своей одежды. Б. стала просить его вернуть телефон, но С. на ее слова не реагировал. После этого она решила обратиться в полицию с заявлением и ушла из квартиры. Каких-либо угроз физической расправы С. ей не высказывал;

— показания свидетеля К., который слышал, как Б. кричала и требовала от С. вернуть ей холодильник, а также как затем она просила возвратить и мобильный телефон и кричала, что все равно обратится в полицию;

— письменные доказательства, в том числе протоколы осмотра места происшествия, протокол осмотра предметов, справка о стоимости мобильного телефона, протокол явки С. с повинной, в которой он сообщил о хищении им холодильника и мобильного телефона у Б.

Изложив в приговоре вышеприведенные доказательства, суд указал, что оснований для сомнений в их достоверности не имеется, они признаются бесспорными и кладутся в основу обвинительного приговора.

Вместе с тем в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений п. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Однако суд первой инстанции, констатируя полное признание С. вины в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, фактически не дал оценки его показаниям об отсутствии корыстного мотива при завладении телефоном Б., не проверил их путем сопоставления с показаниями потерпевшей, которая также подтвердила, что телефон С. забрал, чтобы воспрепятствовать ее звонку в полицию. Более того, сославшись на протокол явки С. с повинной как на доказательство его виновности, суд не раскрыл в приговоре содержание этого доказательства и оценки изложенным в нем сведениям не дал. Между тем в названном протоколе С. указал, что он действительно забрал телефон у Б., однако о том, что это было сделано с корыстной целью, не сообщал.

При таких обстоятельствах судебная коллегия приходит к выводу о том, что судом первой инстанции нарушены требования ст. 87, 88 УПК РФ, регламентирующие правила проверки и оценки доказательств, а также положения пп. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, закрепляющие требования к содержанию приговора.

Квалифицируя содеянное С. как открытое хищение чужого имущества, суд не учел, что согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», не образуют состава грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью.

Таким образом, указание на корысть как мотив совершения преступления в предъявленном обвинении и в приговоре отсутствует, а вывод суда о наличии в действиях С. всех признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, не основан на приведенных в приговоре доказательствах и описании преступного деяния, признанного судом доказанным. Суд первой инстанции при изложении фактических обстоятельств и сам констатировал, что телефоном С. завладел не с корыстной, а с иной целью — воспрепятствовать звонку в полицию.

Указанные нарушения остались без надлежащей оценки суда апелляционной инстанции, который, несмотря на наличие доводов о них в апелляционных представлении и жалобе, их не устранил. При этом суд апелляционной инстанции выводы об обоснованности осуждения С. по ч. 1 ст. 161 УК РФ мотивировал тем, что последний своими действиями по изъятию телефона потерпевшей в полной мере выполнил объективную сторону состава указанного преступления, поскольку открыто похитил телефон у потерпевшей и распорядился им по своему усмотрению.

Между тем, как справедливо отмечено в кассационном представлении, в апелляционном постановлении Тверского областного суда от 23 апреля 2020 года в нарушение требований ст. 389.28 УПК РФ не приведены мотивы, по которым отвергнуты доводы апелляционного представления об отсутствии корыстной цели изъятия телефона С. При этом **выполнение С. объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, при отсутствии обязательного признака субъективной стороны — корыстного мотива — исключает наличие в его действиях состава указанного преступления.**

При этом нарушение судом первой инстанции вышеприведенных требований уголовно-процессуального закона при проверке и оценке доказательств, а также уголовного закона являются существенными, поскольку они повлияли на исход дела — вывод о виновности С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ.

Суд кассационной инстанции, учитывая изложенное, установленные судом первой инстанции фактические обстоятельства, приведенные в приговоре, которые судебная коллегия не вправе переоценивать, толкуя в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ все неустранимые сомнения в пользу С., приходит к выводу об отсутствии в его действиях всех признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ.

При таких обстоятельствах судебная коллегия полагает необходимым на основании ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ состоявшиеся судебные решения в части осуждения С. по ч. 1 ст. 161 УК РФ отменить и производство по делу в этой части прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления, признать за С. в этой части право на реабилитацию.

*Кассационное определение судебной коллегии по уголовным
делам Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 6.11.2020 г. по делу № 77-2032/2020.*

Эксцесс исполнителя исключает для него квалификацию деяния по квалифицирующему признаку «группой лиц по предварительному сговору». Из осуждения лица по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ исключен квалифицирующий признак грабежа «группой лиц по предварительному сговору», назначенное наказание смягчено

По приговору Советского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия — Алания от 6 марта 2017 года Т. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к лишению свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 7 июня 2017 года приговор оставлен без изменения.

Т. признан виновным в том, что совместно с лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, по предварительной договоренности на совершение тайного хищения чужого имущества совместно тайно похитили продукты питания из торгового зала магазина «Магнит» и покинули магазин. После того, как действия Т. и лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, были замечены товароведом К. и им было предложено оплатить или вернуть товар, Т. с целью удержания похищенных товарно-материальных ценностей нанес К. один удар кулаком в область лица. Преступление Т. и иным лицом не было доведено до конца по независящим от них обстоятельствам.

В соответствии с требованиями ст. 36 УК РФ эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников.

С учетом обстоятельств, установленных судебными инстанциями, Т. совершил объективную сторону грабежа, переросшего из кражи, один, то есть фактически вышел за пределы ранее достигнутой с иным лицом договоренности на совершение тайного хищения чужого имущества.

Исходя из указанных выше положений действующего законодательства и фактических обстоятельств дела, из осуждения Т. исключен квалифицирующий признак грабежа «группой лиц по предварительному сговору», назначенное наказание смягчено.

Обзор судебной практики по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции за II полугодие 2020 года.

Объективная сторона преступления в виде грабежа характеризуется открытым, заведомо очевидным, явно заметным для собственника или других лиц способом изъятия чужого имущества, причем лицо, совершающее хищение, сознает, что присутствующие при этом иные лица понимают характер его действий, но игнорирует данное обстоятельство

Приговор суда в части осуждения лица по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ отменен, а уголовное преследование прекращено по основанию отсутствия в деянии состава преступления.

С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы, также осужден по другим преступлениям.

Суд апелляционной инстанции находит приговор суда подлежащим изменению в соответствии со ст. 389.15, 389.18 УПК РФ ввиду неправильного применения уголовного закона при осуждении С. по преступлению от 6 декабря 2018 года — по факту покушения на открытое хищение имущества ООО «Агроторг».

В соответствии с требованиями закона **объективная сторона преступления в виде грабежа характеризуется открытым, заведомо очевидным, явно заметным для собственника или других лиц способом изъятия чужого имущества, причем лицо, совершающее хищение, сознает, что присутствующие при этом иные лица понимают характер его действий, но игнорирует данное обстоятельство.** Деяние виновного, начатое как кража, перерастает в грабеж, когда факт изъятия становится известным потерпевшему или другим лицам, и преступник, осознавая данное обстоятельство, игнорирует его и завершает завладение имуществом уже открыто, явно для очевидцев. Если же лицо, совершающее подобное деяние, обнаружило, что преступление стало известно посторонним третьим лицам, и, опасаясь быть задержанным, бросило похищенное и попыталось скрыться с места преступления, содеянное не выходит за рамки признаков покушения на кражу чужого имущества.

В подтверждение виновности С. по преступлению от 6 мая 2018 года судом исследованы и приведены:

— показания самого С., не признавшего вину в совершении преступления, но не отрицавшего, что он взял бутылку виски, не имея денежных средств на ее оплату, и пошел к ячейкам для хранения вещей, не подходя к кассам;

— показания представителя потерпевшего А., не являвшейся очевидцем произошедших событий;

— показания свидетелей Е. и Ж., производивших задержание С.;

— протокол осмотра предметов, а именно видеозаписи с камеры наблюдения из магазина;

— справка о причиненном ущербе, который составил 882 рубля 87 копеек.

Тем не менее, из совокупности указанных доказательств не следует, что в момент изъятия С. бутылки виски со стеллажа с алкогольной продукцией в магазине ему было понятно, что преступность его действий очевидна для окружающих.

Из показаний свидетеля Е. — супервайзера ООО «Агроторг» — следует, что, находясь в торговом зале магазина, он обратил внимание на С., поведение которого ему показалось странным: тот рассматривал алкогольную продукцию, оглядываясь по сторонам. Наблюдая за С., он увидел, что тот взял бутылку виски и пошел мимо касс, намереваясь выйти из магазина через вход в торговую зону. Окрикнув С., он подошел к нему, спросил, не забыл ли тот оплатить товар, тот стал ему отвечать что-то невнятное и толкать бутылку. Забрав бутылку у С., Е. отставил ее в сторону и предупредил, что необходимо дождаться сотрудников полиции, однако С. начал вырываться, оказывать сопротивление. Задержать С. помог Ж., один из покупателей магазина.

Показания свидетеля Е. в полной мере подтверждаются протоколом осмотра видеозаписи с камеры видеонаблюдения, установленной у входа в торговую зону магазина, на которой зафиксировано, как С. с бутылкой в руке быстрым шагом направляется ко входу в магазин, к нему со спины подходит Е., останавливает его, разговаривает с ним, свободно забирает из рук С. бутылку, после чего С. пытается уйти. Е., положив бутылку на коврик, удерживает С., который пытается убежать.

Таким образом, из совокупности исследованных судом доказательств следует, что в момент, когда для С. стала очевидной заметность окружающих его действий, связанных с хищением чужого имущества, он не предпринял мер для удержания похищенного. Сопротивление им оказано в момент попытки скрыться с места происшествия.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что действия С. содержат признаки покушения на кражу чужого имущества, однако в силу стоимости данного имущества, не превышающей 2 500 рублей, являются мелким хищением, ответственность за которое предусмотрена ст. 7.27 КоАП РФ, в связи с чем в соответствии со ст. 389.18 и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ приговор суда в части осуждения С. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ подлежит отмене, а уголовное преследование — прекращению по основанию отсутствия в деянии состава преступления с признанием за С. на основании ч. 1 ст. 134 УПК РФ права на реабилитацию.

*Апелляционное постановление Свердловского областного суда
от 5.08.2019 г. по делу № 22-5282/2019.*

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде

Суд не вправе исказить содержание доказательства. Грабёж совершается только с прямым умыслом и предполагает, что применяемое при этом насилие служит средством исключительно для завладения имуществом и также совершается умышленно

Действия осужденного переквалифицированы с п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ.

С. осужден, с учетом непогашенной судимости по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, на срок 3 года с ограничением свободы на срок 6 месяцев.

В силу пп. 1, 2 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда о виновности подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

В приговоре должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства — как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. Кроме того, приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникающие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и устранены.

Эти требования закона судом должным образом не выполнены.

В обоснование вывода о виновности осужденного суд первой инстанции сослался на протокол очной ставки, проведенной между С. и свидетелем Ф., указав на пояснения свидетеля, что потерпевшего бил и похищал у него деньги С.

Однако содержание указанного протокола свидетельствует о том, что свидетель не только не давал подобных показаний, а, напротив, заявлял, что не видел факта хищения имущества потерпевшего.

Таким образом, **суд в нарушение требований уголовно-процессуального закона, излагая в приговоре содержание доказательства, существенно искажил его существо.** При этом содержание доказательства позволяло дать иную оценку, чем та, которая содержится в приговоре.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции приходит к выводу о необходимости исключить из приговора указание на протокол очной ставки между С. и Ф., проведенной на досудебной стадии производства по делу.

Кроме того, президиум приходит к выводу о том, что приговор в отношении С. подлежит изменению еще и в связи с неправильным применением судом первой инстанции уголовного закона.

Из содержания установленных судом первой инстанции обстоятельств дела следует, что С., имея умысел на грабёж, с целью сломить волю к сопротивлению нанес удары по телу Ф., от которых тот упал на землю, после чего продол-

жил избивать потерпевшего. Однако Ф. с целью прекратить действия подсудимого встал и побежал в сторону. С., продолжая реализовывать умысел на грабёж, догнал Ф. и похитил у него 800 рублей.

С учетом очевидного для потерпевшего характера действий С. по хищению имущества суд пришел к выводу о том, что осужденный виновен в грабеже, и квалифицировал его действия в том числе по признаку «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья».

По смыслу закона, грабёж совершается с прямым умыслом и предполагает, что применяемое при этом насилие служит средством для завладения имуществом и также совершается умышленно.

Однако органами предварительного следствия не представлено, а в судебном заседании не добыто доказательств того, что умыслом осужденного охватывалось применение к потерпевшему насилия именно с целью хищения его имущества.

Так, из показаний С., признанных судом достоверными, следует, что он нанес удары потерпевшему в вышеназванном месте из-за неприязни, возникшей в результате грубого ответа Ф. на его просьбу закурить.

Приведенные показания осужденного не только ничем не опровергнуты, а, напротив, нашли свое объективное подтверждение.

В частности, из показаний свидетеля Ф., являвшегося очевидцем рассматриваемых событий, следует, что между потерпевшим и осужденным произошел скандал, в ходе которого они стали ругаться и выражаться в адрес друг друга нецензурной бранью. В ходе конфликта С. ударил Ф., а затем они вместе упали на землю. После этого потерпевший попытался убежать от С. Когда Ф. пробежал мимо него, он толкнул потерпевшего, от чего тот упал, а затем к потерпевшему подбежал С.

Аналогичные показания даны другим очевидцем происшествия — свидетелем К.

Из показаний потерпевшего, данных им как в судебном заседании, так и на досудебной стадии производства по делу, следует, что в момент, когда С. наносил ему удары, тот не выдвигал требований передачи имущества, которые были высказаны только после того, как его сбил с ног Ф. При этом потерпевший уточнил, что в момент хищения у него денежных средств С. ему ударов не наносил, а только осмотрел содержимое его карманов.

Таким образом, доказательств того, что умысел на совершение грабежа возник у С. до начала применения насилия к Ф., в материалах дела не имеется и в судебном заседании не добыто. Напротив, вышеприведенные доказательства подтверждают версию осужденного о том, что между ним и потерпевшим изначально имел место конфликт на почве личных неприязненных отношений.

Следовательно, вывод суда о том, что насилие к потерпевшему осужденным было применено с целью завладения имуществом, не основан на материалах дела.

При таких обстоятельствах квалифицирующий признак грабежа «с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья» подлежит исключению из осуждения С., а его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 161 УК РФ, предусматривающей ответственность за грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества.

Поскольку доказательств того, что при совершении действий, причинивших физическую боль Ф., осужденный действовал из хулиганских побуждений либо в результате имевшейся у него к потерпевшему политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, не имеется, президиум не усматривает оснований для привлечения к уголовной ответственности и осуждения С. по ч. 1 ст. 116 УК РФ.

С учетом изменения квалификации действий С. и в соответствии с требованиями ст. 6, 60 УК РФ подлежит смягчению назначенное ему наказание.

*Постановление президиума Верховного Суда Республики Хакасия
от 21.12.2017 г. по делу № 44у-99/2017.*

Не может квалифицироваться как грабёж завладение имуществом потерпевшего, который добровольно передал вещи подсудимому, в дальнейшем скрывшемуся с этими вещами

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, характеризуется наличием прямого умысла на открытое хищение чужого имущества, возникшего до начала его изъятия.

Приговор по ч. 1 ст. 161 УК РФ отменен.

К. осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Согласно положениям ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, таковым признается приговор, если он постановлен в соответствии с требованиями норм УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

В соответствии со ст. 389.15 УПК РФ основаниями для отмены приговора в апелляционном порядке являются в том числе несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, а также нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных уголовно-процессуальным законодательством прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

В апелляционной жалобе адвокат осужденного указывает, что, давая правовую оценку представленным стороной обвинения доказательствам, суд не принял во внимание показания К. в ходе судебного следствия о том, что все вещи, которые он получил от потерпевшего, были переданы добровольно, что соответствует фактически имевшим место событиям.

Согласно приговору, К. осужден за то, что в вечернее время возле автобусной остановки познакомился с А., который по просьбе К. передал последнему спортивную кофту и кепку, после чего они вместе приехали на автобусную остановку, расположенную на площади, где К. около 21 часа 30 минут увидел у А. сотовый телефон, из корыстных побуждений, имея внезапно возникший умысел на открытое хищение чужого имущества, попросил у А. этот телефон, а получив его во временное пользование, К., реализовав умысел на открытое хищение чужого имущества, из корыстных побуждений, осознавая, что его действия носят откры-

тый характер, поскольку очевидны для А., открыто похитил принадлежащие А. спортивную кофту стоимостью 500 рублей, кепку стоимостью 150 рублей, сотовый телефон стоимостью 3 110 рублей, стал уходить, не реагируя на требования преследующего его А. о возврате похищенного. Затем К. с похищенным имуществом скрылся. Своими действиями К. причинил А. имущественный ущерб на сумму 4 026 рублей 42 копейки.

В обвинительном акте по результатам расследования данного уголовного дела также указано, что К. в ходе беседы с А. попросил у него спортивную кофту и кепку, чтобы погреться. Получив от А. во временное пользование эти вещи, К. вместе с А. приехал на автобусную остановку, где увидел у А. сотовый телефон и попросил его из корыстных побуждений, имея внезапно возникший умысел на открытое хищение чужого имущества.

Далее в обвинительном акте указано, что, получив от А. во временное пользование сотовый телефон, К., реализуя свой преступный умысел и осознавая, что его преступные действия очевидны для А., открыто похитил принадлежащие А. спортивную кофту, кепку, сотовый телефон с чехлом. В дальнейшем К. с похищенным имуществом скрылся.

Таким образом, судом признано доказанным совершение преступления К. при обстоятельствах, аналогичных указанным в обвинительном акте, а действия его квалифицированы по ч. 1 ст. 161 УК РФ как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества.

Вместе с тем из показаний потерпевшего А., данных в ходе предварительного следствия, которые он подтвердил в суде и которые положены судом в основу приговора, следует, что он познакомился с К., вместе с которым поехали на автобусе на вокзал, по дороге К. попросил у него кофту и кепку, пояснив, что замерз. Ему стало жалко К., на котором были только шорты и футболка, и он передал ему свои вещи, которые тот сразу надел. Выйдя из автобуса, присели на скамейку, он достал сотовый телефон, который К. у него попросил, не поясняя, зачем, а он не поинтересовался, полагая, что тот позвонит и вернет. Однако К. звонить не стал, а убрал телефон в карман шорт, после чего он стал требовать вернуть телефон, К. ответил: «Подожди», — но телефон не отдал. Потом К. встал и пошел в сторону ЦУМа, он пошел следом, еще раз сказал, чтобы тот вернул телефон и вещи, но К. на его требования не реагировал.

При этом судом оставлены без внимания показания потерпевшего о том, что когда К. пошел в сторону ЦУМа, он все-таки пошел следом за К., думая, что тот одумается и вернет его имущество. По пути потерпевший захотел в туалет, крикнул К., чтобы тот обождал его, К. молча обернулся и продолжил идти. Когда через пару минут потерпевший вернулся, К. не было. Также потерпевший пояснил, что дал телефон, чтобы К. позвонил, а спортивную кофту и кепку дал К. на время, чтобы тот согрелся, думая, что он их возвратит. К. от дачи показаний в суде отказался, пояснив только, что предлагал потерпевшему сдать его телефон в ломбард, чтобы на полученные деньги уехать домой. Выйдя из ломбарда, искал парня, но его нигде не было, сам отдал телефон сотруднику.

В ходе дознания первоначально К. пояснял, что не помнит, как у него оказались телефон, кепка и куртка. Впоследствии показал, что сначала попросил у потерпевшего спортивную кофту и кепку, чтобы погреться. Когда вышли из автобуса и сели на лавочку, увидел телефон и решил, что его можно продать за приличные деньги. Решил забрать телефон и одежду потерпевшего себе. Сказал, что ему нужно срочно позвонить и попросил телефон, тот передал, а он положил телефон в карман шорт и начал отвлекать потерпевшего разговорами. Спустя несколько минут К. пошел в сторону универсама, так как хотел скрыться от А. Тот пошел следом и требовал отдать телефон и вещи, а К. не реагировал, думая, что тот перестанет ходить за ним. Когда А. отошел за ларек, К., воспользовавшись тем, что потерпевший отвел от него внимание, скрылся.

Именно эти показания положены судом в обоснование виновности К. в совершении грабежа, то есть открытого хищения имущества А.

Как видно из установленных судом обстоятельств дела и приведенных в приговоре доказательств, **завладение личным имуществом потерпевшего А. изначально стало возможным не путем открытого незаконного завладения ими осужденным К., а потому, что вещи К. попросил, так как замерз, а телефон — чтобы позвонить, как понял сам потерпевший. При этом после добровольной передачи вещей осужденный с потерпевшим продолжали оставаться вместе, поехали на вокзал согласно достигнутой договоренности, где какое-то время также находились вместе, после чего потерпевший добровольно дал телефон К. по его просьбе.**

Из формулировки обвинения, указанной в обвинительном акте, также следует, что сначала спортивную кофту и кепку К. получил во временное пользование, далее у него возник умысел на открытое хищение чужого имущества, и он попросил телефон, получив его во временное пользование. Далее в обвинительном акте указано, что К., реализуя свой умысел и осознавая, что преступные действия очевидны для А., открыто похитил принадлежащие тому спортивную кофту, кепку и телефон с чехлом и с похищенным скрылся, воспользовавшись тем, что А. отвлекся.

Однако действия А. квалифицированы как органом дознания, так и судом как грабеж в отсутствие указания в обвинительном акте на **изначально незаконное открытое изъятие похищенных вещей у потерпевшего.** В обвинительном акте сделан вывод, что К. воспользовался тем, что потерпевший отвлекся, и только тогда скрылся с похищенным. Данных о том, что потерпевший понимал, что вещи у него изымаются незаконно, в обвинительном акте нет, однако имеется ссылка на его показания о том, что потерпевший до последнего полагал, что К. ему вещи возвратит, шел за ним, захотел в туалет, крикнул К., чтобы тот его подождал, но когда вернулся, К. уже не было.

Тогда как субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, характеризуется наличием прямого умысла на открытое хищение чужого имущества, возникшего до начала его изъятия.

При правомерном владении имуществом незаконное обращение его в собственность может свидетельствовать о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

При наличии умысла на завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием действия виновного подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ.

Правильное установление вида умысла, его направленности, момента возникновения имеет значение для решения вопросов квалификации, в том числе отграничения грабежа от кражи, мошенничества или присвоения чужого имущества.

Допущенное органом дознания нарушение является существенным, неустранимым на судебной стадии производства по делу, исключает возможность рассмотрения уголовного дела по существу на основании составленного по делу обвинительного акта, принятия на его основе законного и обоснованного решения по делу.

Между тем суд первой инстанции не дал оценки указанным обстоятельствам, а вынес обвинительный приговор, что является нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора в целом.

Наличие установленных судом апелляционной инстанции противоречий, имеющих в обвинительном акте, в том числе касающихся обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, таких как способ совершения преступления, его мотив, умысел, фактически ставит суд перед необходимостью самостоятельного установления фактических обстоятельств по уголовному делу, что является нарушением ст. 252 УПК РФ, а также исключает возможность постановления судом приговора по делу или вынесения иного решения на основе имеющегося в деле обвинительного акта.

*Апелляционное постановление Красноярского краевого суда
от 18.06.2020 г. по делу № 22-3651/2020.*

Суд обязан указать в приговоре дату вступления в сговор на совершение преступления и описать распределение ролей соучастников

Суд не вправе самостоятельно изменить дату совершения преступления.

Приговор по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ отменен.

М. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 4 годам 6 месяцам 10 дням лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

В соответствии с положениями ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, а также доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Однако данные требования закона судом первой инстанции при постановлении приговора в отношении М. не выполнены. Суд изменил обвинение, не мотивировав свое решение в приговоре, не отразил в нем существенные обстоятельства преступления, подлежащие доказыванию.

Органами предварительного следствия М. инкриминирован грабеж, совершенный 19 октября 2017 года группой лиц по предварительному сговору. Согласно обвинительному заключению, 18 октября 2017 года М. и ранее знакомые ему П., И. и не установленное следствием лицо, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство, вступили между собой в предварительный преступный сговор, направленный на открытое хищение расположенного в помещении торгового павильона торгово-развлекательного терминала с находящимися в нем денежными средствами, при этом распределив между собой преступные роли. 19 октября 2017 года в 22 часа 49 минут М., П. и И., действуя согласованно, группой лиц по предварительному сговору с неизвестным, зашли в помещение вышеуказанного торгового павильона, согласно отведенным им преступным ролям при помощи физической силы приподняли терминал и попытались вынести его из торгового павильона. В это время находившаяся там реализатор С. потребовала у последних прекратить противоправные действия, подошла к М. и попыталась задержать его. Не реагируя на ее требования, М., П. и И., продолжая преступные действия, направленные на открытое хищение, вынесли терминал с находящимися в нем денежными средствами, принадлежащими ООО «Трейд Инвест», из помещения торгового павильона, тем самым похитив его, и поместили в багажное отделение автомобиля, за рулем которого, согласно отведенной преступной роли, находился и ожидал их неизвестный, скрывшийся с места происшествия на этом автомобиле с терминалом в багажном отделении.

Указав, что материалами дела установлена виновность М. в совершении открытого хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, то есть преступления, в котором тот обвинялся, **суд в приговоре, излагая установленные обстоятельства совершения преступления, без приведе-**

ния мотивов принятого решения существенно сократил описание преступных действий, инкриминированных М., изменил дату совершения преступления, указав на совершение хищения 18 октября 2017 года, что не соответствует исследованным и приведенным судом в приговоре доказательствам. Отсутствуют в приговоре дата вступления в сговор и описание распределения ролей соучастников преступления, указанные в постановлении о привлечении М. в качестве обвиняемого. Изменение фактических обстоятельств совершения преступления, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, в нарушение требований чч. 1 и 2 ст. 307 УПК РФ судом в приговоре никак не мотивировано.

Допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными и не могут быть устранены в суде апелляционной инстанции, приговор подлежит отмене с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение.

Мера пресечения в отношении осужденного в виде содержания под стражей избрана судом при постановлении приговора. В период предварительного расследования и судебного разбирательства меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении он не нарушал. С учетом обстоятельств дела и данных о личности М., он подлежит освобождению из-под стражи, в соответствии со ст. 97, 99, 102 УПК РФ М. надлежит избрать меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным
делам Свердловского областного суда от 18.06.2018 г. по делу
№ 22-4388/2018.*

Уголовное дело по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ по факту хищения топлива на 2 568,28 рубля с причинением телесных повреждений прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ

П. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ — условно с испытательным сроком 2 года и возложением определенных обязанностей.

П. признан виновным в грабеже, то есть открытом хищении чужого имущества, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, а именно в том, что он в г. Москве 7 октября 2018 года, уезжая с автозаправочной станции (далее — АЗС), бампером управляемого им автомобиля задел ногу Б., причинив ему телесные повреждения без вреда здоровью, при этом не оплатил заправленное им топливо, чем причинил акционерному обществу ущерб в размере 2 568,28 рубля (без учета НДС, по закупочной цене).

В суде П. вину не признал, пояснив, что умысла на хищение топлива не имел. Полагая, что на АЗС действует система постоплаты, попросил кассира К. заправить его автомобиль на 1 000 рублей, однако последняя отказалась это сделать и сообщила, что стоимость залитого в бак топлива составляет уже 2 500 рублей, настаивая на его полной оплате. Находясь в возбужденном состоянии из-за сложившейся ситуации, П. сообщил кассиру, что опаздывает и вынужден уехать, намереваясь вернуться на АЗС и оплатить заправленное в его автомобиль топливо. Отъезжая от колонки, П. каких-либо ударов не слышал и вреда заправщику не причинял.

Как установлено судом и указано в приговоре, 7 октября 2018 года П. подъехал на автомобиле к топливораздаточной колонке № 5, расположенной на АЗС, самостоятельно вставил заправочный пистолет в топливный бак вышеуказанного автомобиля и, реализуя внезапно возникший умысел на совершение открытого хищения чужого имущества, осознавая противоправный характер своих действий, умышленно из корыстных побуждений с целью осуществления задуманного произвел заправку бензином марки ДТ-Л-к5 объемом 71,48 литра на общую сумму 2 568 рублей 28 копеек (без учета НДС, по закупочной цене), после чего, не расплатившись за товар, управляя вышеуказанным автомобилем, проследовал в сторону выезда с заправочной станции, где был замечен оператор заправочной станции Б., от которого поступило замечание и требование об оплате приобретенного товара. Однако П., проигнорировав правомерные требования Б. и осознавая, что его действия носят неправомерный характер, попытался скрыться и удержать при себе похищенное им имущество, в ходе оказываемого сопротивления задел передним бампером автомобиля левую ногу Б. в области колена, причинив последнему телесные повреждения, которые, согласно заключению эксперта, как вред здоровью не расцениваются, тем самым подавив волю потерпевшего Б. к сопротивлению, применил насилие, не опасное для жизни и здоровья. В результате своих преступных действий П. похитил имущество акционерного

общества, причинив последнему незначительный материальный ущерб на вышеуказанную сумму, а оператору заправочной станции Б. — физическую боль, чем совершил преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Вместе тем, правильно установив вышеуказанные обстоятельства, суд первой инстанции не принял во внимание сведения, имеющие правовое значение для дела.

Как следует из материалов дела и установленных судом обстоятельств, **намерение уехать с АЗС без оплаты заправленного в его автомобиль топлива возникло у П. только вследствие сложившейся с заправщиком Б. и оператором (кассиром) автозаправочной станции К. конфликтной ситуации, вызванной тем, что в машину было заправлено топливо в большем объеме, чем требовалось осужденному, и которое он намеревался оплатить.**

К моменту, когда П. подошел к оператору АЗС, чтобы заправить автомобиль на 1 000 рублей, в его бак уже было залито топливо на сумму свыше 2 000 рублей, что подтвердила в суде кассир К.

Таким образом, **фактически сотрудниками АЗС П. была навязана услуга по заправке его автомобиля тем количеством топлива, которое он не имел намерения приобрести.**

При этом П. предпринял попытки урегулировать данный вопрос и оплатить заправленное ему топливо в размере имеющейся у него 1 000 рублей, однако, получив на это отказ и торопившись по делам, уехал с АЗС без оплаты заправленного ему топлива, намереваясь оплатить его впоследствии.

Данные обстоятельства, кроме показаний допрошенной в суде оператора АЗС К., подтверждены также представителем потерпевшего — акционерного общества — Б., которая пояснила, что причиненный действиями П. ущерб был в дальнейшем полностью возмещен.

Как следует из заключения судебно-медицинской экспертизы, сведений, позволяющих подтвердить отраженный в медицинской документации потерпевшего Б. диагноз «повреждение связок левого коленного сустава», не содержится.

Таким образом, хотя и имел место факт открытого хищения П. заправленного в его автомобиль топлива, а также применение им в отношении потерпевшего Б. насилия, не опасного для жизни и здоровья, возмещение осужденным ущерба по собственной инициативе, в полном объеме и через непродолжительное время, незначительный размер причиненного материального ущерба и отсутствие у потерпевшего Б. телесных повреждений, о чем самим судом указано в приговоре, а также отсутствие от действий П. каких-либо негативных экономических последствий для акционерного общества свидетельствуют о том, что содеянное П. не представляет достаточной общественной опасности, чтобы признать его действия преступлением.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Уголовное дело о таком деянии не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

С учетом вышеизложенных обстоятельств содеянного П., установленных в ходе судебного разбирательства, судебная коллегия считает, что действия осужденного, хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, но в силу своей малозначительности общественной опасности не представляют.

При таких обстоятельствах приговор подлежит отмене с прекращением уголовного дела в силу малозначительности и в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам
Московского городского суда от 17.03.2020 г. по делу № 10-4759.*

ГЛАВА 3. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О РАЗБОЕ

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования

Если подсудимый в ходе разбойного нападения на потерпевшего достал из кармана перочинный нож и раскрыл его, однако реальных действий по его применению не осуществлял, то действия виновного лица подлежат квалификации по ч. 1 ст. 162 УК РФ, а не по ч. 2 ст. 162 УК РФ

Судебная коллегия действия Ж., осужденного Минусинским городским судом, переквалифицировала с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, установив, что Ж. в ходе нападения на М., воздействуя на волю потерпевшей, достал из кармана перочинный нож и раскрыл его, однако реальных действий, с очевидностью свидетельствующих о намерении виновного применить нож для травмирования потерпевшей либо иным образом, в сложившейся ситуации не осуществлял, намерений о причинении телесных повреждений потерпевшей не высказывал. Суд первой инстанции без достаточных к тому оснований квалифицировал его действия по признаку совершения разбойного нападения с применением предмета, используемого в качестве оружия, что не основано на материалах уголовного дела.

Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2020 год.

По уголовному делу П. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы, по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 4 годам лишения свободы, в силу ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено 4 года 6 месяцев лишения свободы. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что П. лишь демонстрировал потерпевшей оружие, в связи с чем из его осуждения по ч. 2 ст. 162 УК РФ УК РФ исключил квалифицирующий признак «применение предметов, используемых в качестве оружия», переквалифицировав действия П. с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, по которой назначил 3 года лишения свободы, наказание по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 69 УК РФ снижено до 3 лет 6 месяцев лишения свободы.

Справка по отмененным и измененным судебным решениям в апелляционной инстанции судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда за 2017—2018 годы.

Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например, макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и тому подобным, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ со снижением наказания.

Р. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ (по эпизоду от 21 июня 2015 года) к 6 годам лишения свободы, ч. 2 ст. 162 УК РФ (по эпизоду от 25 декабря 2015 года) — к 4 годам 6 месяцам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 7 лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Что касается эпизода от 25 декабря 2015 года, судом установлено, что примерно в 20 часов 50 минут, находясь в магазине, расположенном по адресу: г. Москва, ул. Автозаводская, д. 6, Р. направил в сторону кассира С. не установленный следствием предмет, конструктивно похожий на пистолет, демонстрируя готовность произвести выстрел в случае неповиновения, тем самым угрожая насилием, опасным для жизни и здоровья, и потребовал от последней передачи ему денежных средств, находящихся в кассовом аппарате. С., восприняв угрозу своей жизни и здоровью как реальную, передала Р. денежные средства в размере 38 000 рублей, после чего он с места совершения преступления скрылся, чем причинил индивидуальному предпринимателю З. имущественный ущерб на указанную сумму.

Содеянное Р. суд квалифицировал как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия. При этом наличие квалифицирующего признака совершения разбоя «с применением предмета, используемого в качестве оружия» суд мотивировал тем, что Р. направил в сторону С. предмет, похожий на пистолет.

Между тем согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здо-

ровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и тому подобное), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами. Под применением при разбое оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать их умышленное использование лицом как для физического, так и для психического (в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья) воздействия на потерпевшего. Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например, макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и тому подобным, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж.

Указанные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ судом первой инстанции не учтены.

Так, в основу приговора суд положил показания Р., данные им в ходе предварительного расследования и оглашенные в судебном заседании, о том, что С. он угрожал игрушечным пистолетом, который после совершения преступления выкинул. При этом из показаний потерпевшей С. следует, что Р. направлял в ее сторону предмет, похожий на пистолет, вследствие чего она очень сильно испугалась и выполнила требования Р. о передаче ему денежных средств.

В то же время из материалов уголовного дела видно, что указанный предмет, конструктивно похожий на пистолет, обнаружен не был. При этом в приговоре не приведены какие-либо доказательства, подтверждающие свойства указанного предмета как оружия, а также доказательства того, что этот неустановленный предмет Р. использовал или намеревался использовать для причинения вреда жизни или здоровью С.

При таких обстоятельствах квалификация действий Р. по ч. 2 ст. 162 УК РФ является неверной. Судебная коллегия считает необходимым переквалифицировать действия Р. по данному эпизоду на ч. 1 ст. 162 УК РФ и назначить наказание соразмерно содеянному.

Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2021 г. по делу № 77-1044/2021.

Согласно закону под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать использование указанных предметов для поражения человека, а также угрозу таким их использованием, если обстоятельства дела свидетельствуют о намерении нападающего использовать эти предметы таким образом и о наличии возможности такого использования.

В тех случаях, когда лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным, незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью 1 статьи 162 УК РФ.

Предметом, используемым в качестве оружия, суд признал автомат, которым нападавший К. угрожал потерпевшему.

Осужденный К. на протяжении всего предварительного следствия и при рассмотрении дела судом последовательно утверждал, что автомат, использованный им при совершении преступления, являлся игрушкой, которую он взял в автомашине М., и им невозможно было причинить повреждения, опасные для жизни потерпевшего.

Предмет, которым угрожал К. потерпевшему, органом предварительного следствия обнаружен и изъят не был, то есть о его свойствах ничего не известно.

Принимая во внимание, что потерпевший воспринимал предмет, имеющийся в руках К., как реальную угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, действия осужденных подлежат квалификации как разбой, однако ввиду отсутствия доказательств о поражающих свойствах указанного предмета из квалификации содеянного подлежит исключению признак «применение предмета, используемого в качестве оружия».

В связи с исключением квалифицирующего признака «применение предмета, используемого в качестве оружия» судебная коллегия считает необходимым смягчить назначенное К., Р. и М. наказание.

*Апелляционное определение Иркутского областного суда
от 24.07.2019 г. по делу № 22-2157/2019.*

**Пособничество в совершении преступления
единственному исполнителю, о котором был
осведомлен подсудимый, не образует формы
соучастия в виде группы лиц по предварительному
сговору, действия подсудимого не могут быть
квалифицированы судом как совершенные
группой лиц по предварительному сговору**

Квалифицирующие признаки разбойного нападения «с применением предмета, используемого в качестве оружия», «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего» подлежат исключению из обвинения пособнику, если из исследованных судом доказательств явствует, что пособник до совершения преступления в отношении потерпевшего не был осведомлен о том, что исполнитель преступления воспользуется каким-либо предметом (предметами) и применит его (их) в качестве оружия для достижения преступного результата, если умыслом пособника не охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 162 УК РФ без квалифицирующих признаков «группой лиц по предварительному сговору», «с применением предмета, используемого в качестве оружия», «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего».

А., У. и А. осуждены по ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 162 УК РФ.

О. осужден по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Суд первой инстанции квалифицировал действия О. по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как пособничество в разбое, то есть нападении в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, группой лиц по предварительному сговору с применением предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, в форме предоставления информации.

Представленными судом доказательствами безусловно доказана роль О. как пособника в совершении преступления в отношении Б.

Вместе с тем, учитывая, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств, судебная инстанция считает, что представленные суду доказательства не подтверждают наличие состоявшегося между О. и другими участниками преступления — У., А. и лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, — предварительного сговора на совершение разбойного нападения на семью Б. Согласно показаниям, данным О. в ходе предварительного следствия, информацию о семье Б. он сообщил А., при этом ему не было известно, что хищение

денежных средств А. будет совершать не один, О. не знал количество и состав исполнителей преступления. Указанная им версия не была опровергнута в ходе судебного следствия. **Согласно ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Таким образом, пособничество в совершении преступления единственному исполнителю, о котором был осведомлен О., не образует данной формы соучастия, и действия О. не могли быть квалифицированы судом как совершенные группой лиц по предварительному сговору.**

Квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия» также подлежит исключению из обвинения О. как не нашедший своего подтверждения в ходе судебного следствия. Из исследованных судом доказательств явствует, что О. до совершения преступления в отношении Б. не был осведомлен о том, что исполнитель преступления воспользуется каким-либо предметом (предметами) и применит его (их) в качестве оружия для достижения преступного результата. По аналогичным причинам из обвинения О. подлежит исключению квалифицирующий признак «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего»: сам О. объективную сторону разбойного нападения не выполнял, причинение тяжкого вреда здоровью Б. умыслом О. не охватывалось.

Суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что с учетом установленных в ходе судебного следствия обстоятельств, отраженных в приговоре, из обвинения О. подлежат исключению квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ: «группой лиц по предварительному сговору», «с применением предмета, используемого в качестве оружия», «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего». Действия О. подлежат переквалификации с ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 162 УК РФ, так как исследованными судом доказательствами достоверно установлена вина О. в совершении пособничества в разбое, то есть нападении в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с незаконным проникновением в жилище, в форме предоставления информации.

*Апелляционное определение Ленинградского областного суда
от 9.03.2017 г. по делу № 22-126/2017.*

Связывание рук и ног потерпевшей шнуром от зарядного устройства, повлекшее ограничение ее свободы, не может расцениваться как насилие, опасное для жизни и здоровья

Сговор на совершение разбоя должен иметь место до начала его совершения.

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ со снижением наказания.

По смыслу закона под насилием, не опасным для жизни или здоровья, примененным в целях хищения, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы (связывание рук, оставление в закрытом помещении и другое).

Как следовало из приговора, Т., действуя в рамках единого преступного умысла с Р. и Ч., направленного на разбойное нападение, согласно заранее распределенным ролям прошел в балок, где обнаружил Ж., и с целью подавления ее сопротивления связал последней руки и ноги шнуром от зарядного устройства, найденным им в балке, чем применил ограничение свободы, которое, по оценке суда первой инстанции, с учетом характера и степени опасности этих действий является насильственным и опасным для жизни и здоровья.

Судебная коллегия при изменении судебного решения и смягчении наказания в отношении Т., Р. и Ч. указала, что действия Т. в отношении потерпевшей Ж., в частности, **связывание рук и ног шнуром от зарядного устройства, повлекшее ограничение ее свободы, не могут расцениваться как насилие, опасное для жизни и здоровья** (дело № 22-636/2018).

Суд первой инстанции, правильно установив фактические обстоятельства содеянного Г. и Ч., неправильно квалифицировал действия обоих осужденных как разбой, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни, с применением предмета, используемого в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору.

По смыслу закона, **сговор на совершение разбоя должен иметь место до начала его совершения.**

Из материалов дела следует, что доказательств того, что осужденные заранее договорились совершить разбойное нападение на потерпевших с целью хищения имущества, не имеется.

Так, судом было установлено, что осужденный Г. изначально высказывал требования потерпевшему Б. выкинуть свой нож в реку, однако тот спрятал нож, но осужденный Ч. нашел его и передал Г., после чего Г. применил этот нож в отношении Б. — приставил его к шее, затем ударил рукояткой по лицу, а затем, когда Б. упал, Г. и Ч. совместно стали наносить ему удары ногами по различным

частям тела, при этом Ч. снял с пояса потерпевшего ножны, а Г. забрал выпавший из кармана Б. пистолет; также Г. применил нож и в отношении потерпевшего Л., который пытался пресечь его преступные действия.

Таким образом, вопреки выводам суда первой инстанции, фактические действия осужденных не подтверждают факт наличия между осужденными предварительного сговора на совершение разбоя.

Сами осужденные отрицали наличие у них сговора на совершение разбоя, и доказательств, опровергающих их показания, в материалах уголовного дела не имеется.

Более того, только Г. применил в отношении потерпевших предмет, используемый в качестве оружия, — нож. Ч. же применил в отношении потерпевшего Б. насилие, не опасное для здоровья: когда потерпевший Б. после удара, нанесенного ему Г., упал, он совместно с Г. стал наносить ему удары ногами по различным частям тела и открыто похитил — снял с пояса потерпевшего — ножны.

Судебной коллегией исключен квалифицирующий признак ч. 2 ст. 162 УК РФ — совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору — из осуждения Г. как не нашедший своего подтверждения, действия его квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни, с применением предмета, используемого в качестве оружия; действия Ч. с ч. 2 ст. 162 УК РФ переквалифицированы на п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, не опасного для здоровья (дело № 22-5888/2018).

Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда по уголовным делам о преступлениях против собственности за 2018 год.

Фактически выполненные действия осужденной по доставке на автомобиле участников группы к месту нападения и обратно, ожидание членов группы с тем, чтобы беспрепятственно скрыться с места преступления, при отсутствии признаков организованной группы определяют квалификацию ее действий как соучастие в совершении данных преступлений в форме пособничества

Действия осужденной переквалифицированы с п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ, что свидетельствует о меньшей степени общественной опасности фактического участия в преступлениях, наказание снижено.

Т. осуждена по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (два преступления) к 8 годам лишения свободы за каждое.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 7 июля 2020 года приговор изменен. Т. по каждому из двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162 УК РФ, назначено по 4 года лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательно назначено 5 лет лишения свободы.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Согласно ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ неправильным применением уголовного закона является нарушение требований Общей части УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Однако, как усматривается из материалов уголовного дела, установлено вердиктом и отражено в судебных решениях, Т. не принимала непосредственного участия в совершении действий, образующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, а также в оказании помощи исполнителям разбойного нападения П. и Т. по проникновению в здание АЗК АО «Самарнефтепродукт», изъятию денежных средств и имущества.

Осведомленность Т. о совершении разбойного нападения, распределение ролей в связи с этим, наличие сговора на совершение разбойного нападения между соучастниками, обещание скрыть следы преступления — это те обстоя-

тельства, которые позволяют сделать вывод о наличии у Т. умысла на совершение именно разбойного нападения, в связи с чем ее действия правильно квалифицированы по ст. 162 УК РФ.

Но фактически выполненные действия Т. по доставке на автомобиле участников группы к месту нападения и обратно, ожидание членов группы с тем, чтобы беспрепятственно скрыться с места преступления, при отсутствии признаков организованной группы определяют квалификацию ее действий как соучастие в совершении данных преступлений в форме пособничества, в связи с чем судебная коллегия приходит к выводу о переквалификации действий Т. по двум эпизодам преступлений (от 9 и 14 февраля 2019 года) на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ.

При этом с учетом переквалификации действий Т. на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ, то есть установив меньшую степень общественной опасности фактического участия в преступлениях, принимая во внимание положения ст. 34 УК РФ, судебная коллегия приходит к выводу о снижении наказания осужденной как за каждое из совершенных преступлений, так и по совокупности.

*Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам
Верховного Суда РФ от 1.12.2020 г. по делу № 46-УД20-34СП-А4.*

Разряд электрического тока электрошоковым устройством в область головы потерпевшего не образует такой признак разбойного нападения, как применение насилия, опасного для жизни

Из осуждения лица по ч. 2 ст. 162 УК РФ исключено указание на совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни. Наказание смягчено.

Х. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, к лишению свободы на срок 5 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Судом первой инстанции Х. признан виновным в нападении на потерпевшего в целях хищения его имущества, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия.

Х. с целью хищения имущества потерпевшего произвел электрошоковым устройством разряд электрического тока в область его головы, тем самым причинив физическую боль и выведя из равновесия, а также нанес ему не менее трех ударов ногами в область паха, причинив физическую боль, после чего изъяс у потерпевшего принадлежащее ему имущество.

Суд апелляционной инстанции обращает внимание, что из разъяснений, данных на основании ст. 126 Конституции РФ Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», следует, что насилие, которое не причинило вред здоровью потерпевшего, может считаться опасным для жизни или здоровья, если в момент применения оно создавало реальную опасность для жизни или здоровья (п. 21).

Таким образом, сам по себе факт причинения потерпевшему физической боли о применении к нему насилия, опасного для жизни или здоровья, не свидетельствует.

По показаниям эксперта, обладающей специальными познаниями в области судебной медицины, нанесение ударов в область паха ногой способно причинить лишь вред здоровью (пусть даже тяжкий, влекущий утрату органом его функций); воздействие электрического разряда в область головы способно повлечь смерть лишь в случае наличия у потерпевшего определенных патологий.

Соответственно, поскольку наличие у потерпевшего такого рода патологий и осведомленность о них Х. ничем не подтверждены, суд апелляционной инстанции не соглашается с выводом суда первой инстанции о том, что примененное Х. насилие являлось опасным для жизни, в связи с чем исключает из его осуждения указание на данный признак преступления.

*Апелляционное определение Саратовского областного суда
от 29.10.2020 г. по делу № 22-2404/2020.*

Судебная коллегия полагает, что из приговора подлежит исключению диспозитивный признак разбоя «с применением насилия, опасного для жизни», поскольку, исходя из заключения судебно-медицинской экспертизы, в результате преступных действий Б. потерпевшему М. были причинены телесные повреждения, причинившие вред здоровью средней тяжести по признаку длительности расстройства здоровья — сроком свыше трех недель. Таким образом, по настоящему делу установлено, что Б. применил насилие, опасное только для здоровья потерпевшего, каких-либо суждений о том, что данное насилие представляло опасность для жизни М. в момент его применения, приговор не содержит.

*Апелляционное определение Иркутского областного суда
от 9.02.2021 г. по делу № 22-4078/2020.*

Применение газового баллончика в ходе нападения может быть квалифицировано как разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, только при том условии, если будет установлено, что газ в баллончике представлял опасность для жизни или здоровья человека и его воздействие на организм потерпевшего могло привести к расстройству его здоровья или смерти. Для признания аэрозольного распылителя предметом, используемым в качестве оружия, необходимо путем проведения экспертизы установить, что газовый баллончик был предназначен для временного поражения цели, снаряжен слезоточивыми или раздражающими веществами и представлял опасность для жизни или здоровья потерпевшей

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ — покушение на грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, не опасного для здоровья, не доведенное до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Наказание снижено в два раза.

Б. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 4 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Исследовав материалы уголовного дела, обсудив доводы апелляционной жалобы, поданных возражений, заслушав участников судебного разбирательства, судебная коллегия приходит к выводу о том, что приговор подлежит изменению на основании п. 3 ст. 389.15 УПК РФ ввиду неправильного применения уголовного закона.

Как следует из материалов дела, 12 июля 2018 года в подъезде дома Б. распылил в лицо К. газ из газового баллончика и с целью хищения пытался вырвать у нее сумку с денежными средствами, однако потерпевшая оказала сопротивление, в связи с чем сумку ему похитить не удалось и он скрылся с места преступления.

Суд пришел к выводу, что обвинение по ч. 2 ст. 162 УК РФ, с которым согласился Б., является обоснованным и подтверждается собранными по делу доказательствами.

Вместе с тем судебная коллегия не может согласиться с таким выводом суда первой инстанции.

Так, при юридической оценке действий Б. суд не учел разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», о том, что под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпев-

шего (перочинный или кухонный нож, топор и тому подобное), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами.

По смыслу закона применение газового баллончика в ходе нападения может быть квалифицировано как разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, если будет установлено, что газ в баллончике представлял опасность для жизни или здоровья человека и его воздействие на организм потерпевшего могло привести к расстройству его здоровья или смерти.

Таким образом, для признания аэрозольного распылителя предметом, используемым в качестве оружия, следовало установить, что газовый баллончик был предназначен для временного поражения цели, снаряжен слезоточивыми или раздражающими веществами и представлял опасность для жизни или здоровья потерпевшей.

Вместе с тем, квалифицировав действия осужденного как разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, суд не установил, какими свойствами обладал примененный газ.

Как следует из материалов дела, баллончик, из которого был распылен газ, не установлен, экспертиза по содержащемуся в нем веществу не проводилась, вопрос о свойствах и характере действия находящегося в баллончике вещества, степени его опасности для жизни и здоровья человека не выяснялся.

Таким образом, в материалах дела отсутствуют доказательства того, что применение газового баллончика к потерпевшей являлось опасным для ее жизни или здоровья.

Помимо этого, в материалах уголовного дела не имеется и данных о характере опасности для жизни и здоровья потерпевшей.

Согласно имеющемуся в деле заключению эксперта у потерпевшей К. телесных повреждений, в том числе глаз, не имеется.

Следовательно, насилие, которое применено в отношении потерпевшей, нельзя признать опасным для жизни или здоровья, поскольку в результате применения газового баллончика не причинен реальный вред ее здоровью.

При таких обстоятельствах, когда органами следствия не добыто доказательств совершения осужденным действий, создававших реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшей, судебная коллегия полагает, что вывод суда о квалификации действий осужденного Б. по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбоя, то есть нападения, совершенного с применением насилия, опасного для здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, является необоснованным.

С учетом изложенного судебная коллегия приходит к выводу о том, что суд первой инстанции, правильно установив фактические обстоятельства дела, дал неправильную юридическую оценку действиям Б.

При таких обстоятельствах действия Б. следует переквалифицировать с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ — покушение на грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, не опасного для здоровья, не доведенное до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Наказание снижено в два раза.

*Апелляционное определение Саратовского областного суда
от 27.11.2018 г. по делу № 22-3958.*

Как установлено в судебном заседании, осужденный нанес потерпевшему один удар неустановленным твердым предметом, причинив телесное повреждение, которое не повлекло вреда здоровью.

Признавая неустановленный предмет предметом, используемым в качестве оружия, которым, по мнению суда, потерпевшему мог быть причинен вред, опасный для жизни и здоровья, суд не учел, что осужденный применил неустановленный предмет, но вред здоровью потерпевшего причинен не был; из показаний потерпевшего С., удар ему был нанесен «каким-то твердым предметом, возможно, палкой, кирпичом или другим твердым предметом», однако чем конкретно было причинено повреждение, он не видел; заключения судебной медицинской и дополнительной судебной медицинской экспертиз также не отвечают на вопрос об индивидуальных особенностях тупого твердого предмета, которым было причинено повреждение, не опровергают, что в качестве тупого твердого предмета мог быть использован кулак; в ходе осмотра места происшествия и при проведении других следственных действий никаких предметов, которые могли бы выступить в качестве орудия преступления, не изымалось; очевидцев использования осужденным какого-либо предмета не установлено; сам К. также никогда не давал показаний относительно использования им какого-либо предмета при завладении сумкой потерпевшего.

Таким образом, показания потерпевшего С. не дают оснований для однозначного вывода о том, что К. действовал с умыслом, направленным на применение в отношении него опасного для жизни и здоровья насилия, а других данных, свидетельствующих об этом, не имеется.

При таких обстоятельствах квалификация содеянного К. по ч. 2 ст. 162 УК РФ является ошибочной. Действия К. подлежат переквалификации с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ как совершение открытого хищения чужого имущества (грабежа) с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, учитывая, что К. при совершении открытого хищения имущества С. было применено насилие, не опасное для жизни и здоровья, подробно описанное в приговоре суда.

С учетом вносимых в приговор изменений, связанных с переквалификацией действий осужденного К. на норму уголовного закона, предусматривающую менее строгое наказание, наказание по данной норме подлежит назначению в соответствии со ст. 6, 60 УК РФ с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств его совершения, данных о личности К., иных обстоятельств, влияющих на назначение наказания в соответствии с гл. 10 УК РФ.

*Апелляционное определение Иркутского областного суда
от 23.04.2018 г. по делу № 22-1225/2018.*

При квалификации действий двух и более лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ.

Е. осуждена по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 4 годам лишения свободы, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности с преступлением по приговору Октябрьского районного суда Челябинской области от 12 октября 2016 года путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно приговорена к 4 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

М. осуждена по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 3 годам лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 2 года, с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

Е. и М. признаны виновными и осуждены за разбойное нападение на А. с применением насилия, опасного для здоровья, с использованием предмета в качестве оружия.

Из показаний потерпевшей следует, что 19 июля 2016 года к ней домой пришли ее соседка М. и ранее незнакомая Е. Она в это время сидела на кровати в одной из комнат дома. М., как обычно, стала просить денег в долг, она отказала. Тогда Е. подошла к ней и со словами «Давай деньги, бабка» скинула ее с кровати, а затем ударила деревянной палкой по правой руке, сломав ее. Испугавшись, она отдала М. деньги, после чего девушки ушли.

Согласно показаниям осужденных Е. и М., данным в ходе судебного рассмотрения дела, они действительно пришли к А. занять денег, поскольку ранее М. делала это неоднократно. Однако в этот раз потерпевшая отказалась давать в долг. Тогда, как следует из показаний М., внезапно для нее Е. скинула бабушку с кровати, а затем, требуя денег, схватила находившуюся рядом деревянную палку и нанесла ею удар по руке А. После этого потерпевшая отдала ей деньги, и они с Е. ушли. При этом сама Е. в суде указала, что события произошедшего помнит плохо, так как была сильно пьяна, но допускает, что могла скинуть бабушку с кровати и ударить палкой.

По заключению эксперта, у А. имели место кровоподтек на правом предплечье и неполный перелом лучевой кости правого предплечья, образовавшиеся в едином комплексе от действия тупого твердого предмета и вызвавшие длительное расстройство здоровья, по этому признаку причинившие вред здоровью

человека средней тяжести. Подобные повреждения могут возникнуть как от действия тупого твердого предмета на область нижних отделов предплечья (в том числе при ударе палкой), так и при падении — как с кровати, так и на поверхность одного уровня с ударом согнутой или разогнутой кистью о подлежащую поверхность.

Однако юридическая оценка действий М. как разбойного нападения дана без учета всех обстоятельств дела. Более того, она противоречит изложенному в описательно-мотивировочной части приговора описанию преступного деяния, совершенного осужденными.

Так, суд исключил из обвинения осужденных квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» как не нашедший своего подтверждения, однако сделал вывод о совершении обеими осужденными разбойного нападения.

Вместе с тем из установленных судом обстоятельств видно, что разбой совершен лишь Е., которая, применяя к потерпевшей насилие, опасное для здоровья, в том числе с использованием предмета в качестве оружия, требовала передачи денег (ч. 2 ст. 162 УК РФ). Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» **при квалификации действий двух и более лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично.**

Кроме того, как видно из приговора, описывая установленные преступные действия М. и признавая их доказанными, суд указал только на то, что эти действия выразились в незаконном завладении переданной ей А. по требованию Е. денежной купюрой.

При таких обстоятельствах действия М. подлежат квалификации по ч. 1 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества.

Внесение указанных изменений в квалификацию действий осужденной М. влечет смягчение наказания, при назначении которого суд апелляционной инстанции учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства его совершения, данные о личности осужденной, приведенные в приговоре смягчающие обстоятельства.

*Апелляционное определение Челябинского областного суда
от 06.06.2017 г. по делу № 10-2673/2017.*

По смыслу закона, вытекающему из положений ст. 154, 155 УПК РФ, материалы уголовного дела должны содержать подлинники или заверенные следователем копии процессуальных документов, имеющих значение для рассматриваемого уголовного дела. Если материалы уголовного дела содержат копии доказательств и иных процессуальных документов, которые никем не заверены, то это существенным образом нарушает права подсудимого на защиту (в том числе знать, в чем он обвиняется, и знакомиться с соответствующими доказательствами, приведенными в обвинительном заключении), что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного обвинительного заключения

Приговор по ч. 2 ст. 162 УК РФ отменен, лицо из-под стражи освобождено.

С. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

С. осужден за совершение 23 февраля 1999 года разбоя, то есть нападения в целях хищения имущества, принадлежащего А., на общую сумму 10 796 рублей с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору.

По смыслу п. 1 ч. 1 ст. 237, ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ обвинительное заключение исключает возможность постановления приговора, если в ходе предварительного расследования допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Согласно положениям ст. 220 УПК РФ следователь, наряду с выполнением иных требований закона, обязан указать в обвинительном заключении перечень доказательств, на которые ссылается сторона обвинения, и кратко изложить их содержание.

В судебном заседании установлено, что в обвинительном заключении приведен ряд доказательств. Вместе с тем подавляющее количество фигурирующих в обвинительном заключении доказательств по делу — это копии процессуальных документов, представленных из иного уголовного дела в отношении другого лица. Материалы уголовного дела содержат исключительно копии указанных доказательств и иных процессуальных документов, которые никем не заверены. Подлинники процессуальных документов и иных доказательств в материалах уголовного дела отсутствуют, при этом в обвинительном заключении приве-

дены показания лиц в качестве подозреваемых и обвиняемых, потерпевшей, свидетелей по другому уголовному делу (в отношении В.), из которого были выделены материалы уголовного дела в отношении С. с последующим возбуждением в отношении него уголовного дела.

Все материалы из иного уголовного дела, в том числе связанные с розыском С., его процессуальным положением и тому подобным, также никем не заверены (ни по отдельности, ни все вместе). Следовательно, ссылка в обвинительном заключении на данные незаверенные документы как доказательства противоречит требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку эти документы не могут быть соотнесены с конкретным уголовным делом в отношении С. При этом следует отметить, что материалы уголовного дела содержат указание на то, что уголовное дело в отношении В. уже уничтожено в связи с истечением сроков хранения.

Кроме того, суд апелляционной инстанции отмечает, что по смыслу закона, вытекающему из положений ст. 154, 155 УПК РФ (действующих на момент составления обвинительного заключения, направления уголовного дела в суд), ст. 26 УПК РФ (в редакции Федерального закона, действовавшей до 2001 года) материалы уголовного дела должны содержать подлинники или заверенные следователем (на период 1999 года — следователем или прокурором) копии процессуальных документов, имеющих значение для рассматриваемого уголовного дела.

Указанные выше нарушения закона, допущенные в ходе расследования уголовного дела, являются неустранимыми в судебном заседании, так как существенным образом нарушают права С. на защиту (в том числе знать, в чем он обвиняется, и знакомиться с соответствующими доказательствами, приведенными в обвинительном заключении), исключают возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного обвинительного заключения.

При указанных обстоятельствах суд апелляционной инстанции не может согласиться с постановленным судом приговором, приходит к выводу о наличии оснований для возвращения уголовного дела прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в связи с чем приговор суда первой инстанции подлежит отмене. С. из-под стражи освобожден.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам
Ивановского областного суда от 16.03.2021 г. по делу № 22-0271.*

Раздел 2. Нарушения закона, допущенные в суде

Сомнительный вывод суда о наличии у осужденных корыстной цели при завладении имуществом и квалификация их действий по ч. 3 ст. 162 УК РФ повлекли отмену апелляционного определения и переквалификацию на ст. 330 УК РФ. Не образуют состава разбоя противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 УК РФ

Первоначальные показания потерпевших, данные на предварительном следствии, не могут являться единственным достаточным и достоверным доказательством вины подсудимых в совершении разбоя, если их вина не подтверждается иными исследованными судом доказательствами.

Постановлением президиума областного суда от 13 мая 2019 года отменено апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 17 августа 2017 года, уголовное дело в отношении М. и Я. передано на новое апелляционное рассмотрение.

Приговором районного суда Саратовской области от 5 июня 2017 года М. и Я. осуждены по ч. 3 ст. 162 УК РФ к 7 годам лишения свободы каждый.

М. и Я. признаны виновными в совершении разбойного нападения на потерпевших в целях хищения их имущества группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Отвергая доводы осужденных о том, что М. и Я. приехали к потерпевшему Е. с целью возврата имеющегося у последнего долга перед М., в связи с чем при противоправном изъятии имущества потерпевшего у осужденных отсутствовала корыстная цель, суд указал, что данные доводы не основаны на материалах уголовного дела и опровергаются исследованными доказательствами.

При этом суд сослался на первоначальные показания потерпевших Е. и Л. о том, что каких-либо долговых обязательств у Е. перед М. не было, последний с Я. незаконно проникли в их дом, требовали у Е. деньги, при этом наносили ему телесные повреждения различными предметами, похитили мобильный телефон, которые в полной мере согласуются с показаниями Я. при его допросе в качестве подозреваемого в ходе предварительного расследования и свидетельствуют о наличии между осужденными договоренности на совершение именно хищения имущества Е.

Между тем из вышеприведенных показаний Я. следует, что, когда они встретились с М., тот сказал, что у него есть знакомый, должный ему деньги, которые нужно забрать. При необходимости они должны физически надавить на должника, что фактически впоследствии и было сделано.

Из совокупности показаний потерпевшего Е., данных им в ходе предварительного расследования, а также в судебном заседании, усматривается, что он не отрицал наличие денежного долга перед М. и пояснял, что, когда осужденные приехали к нему домой, нашли его в диване и стали наносить телесные повреждения, М. требовал возврата долга.

При этом потерпевший Е. в судебном заседании не подтвердил исследованные судом показания, данные им в ходе предварительного расследования при допросе 19 декабря 2016 года, пояснив, что подписал протокол, не читая.

Из показаний свидетелей С., З. и А., находившихся совместно с М. и Я. в автомобиле и приехавших к дому потерпевшего, также усматривается, что в процессе поездки М. говорил, что ему кто-то должен и он едет забирать свое.

Все вышеуказанные доказательства были положены судом в основу приговора, однако при этом им сделан вывод о том, что оснований для переквалификации действий подсудимых на ч. 2 ст. 330 УК РФ, ввиду наличия у потерпевшего Е. долга перед М., не имеется.

При этом судом не дано оценки имеющейся в материалах уголовного дела расписке Е., согласно которой 20 ноября 2016 года, то есть до момента рассматриваемых событий, он получил от М. денежные средства в размере 5 000 рублей, которые обязуется возвратить до 1 декабря 2016 года.

Как следует из протокола судебного заседания, участники судебного разбирательства не оспаривали, что данная расписка написана Е. и сведения, в ней изложенные, соответствуют действительности.

Кроме того, из установленных судом фактических обстоятельств дела следует, что осужденные, проникнув в дом потерпевшего, где также находились иные лица, а именно его сожительница Л. и отец И., искали непосредственно Е., к которому и предъявили требование о передаче денежных средств, угрожая применением насилия и применив насилие, причинившее потерпевшему лишь физическую боль. К иным находящимся в доме лицам ни М., ни Я. каких-либо требований имущественного характера не предъявляли.

При указанных обстоятельствах выводы суда о наличии у осужденных корыстной цели при завладении имуществом потерпевшего Е., как и квалификация их действий по ч. 3 ст. 162 УК РФ, вызывают сомнения.

Справка по результатам изучения и обобщения причин отмен и изменений президиумом Саратовского областного суда судебных решений, вынесенных судебной коллегией по уголовным делам, в I полугодии 2019 года.

В дальнейшем апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 13 июня 2019 года по делу № 22-1693/19 приговор Саратовского районного суда Саратовской области от 5 июня 2017 года в отношении Я. и М. изменен, их действия переквалифицированы с ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 2 ст. 330 УК РФ.

В соответствии со ст. 297 УК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

В силу ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Эти требования закона по настоящему делу в полной мере не выполнены.

Опровергая доводы осужденных М. и Я. и их защитников о том, что к потерпевшим они поехали за долгом М. и у них отсутствовала цель на хищение чужого имущества, суд указал, что данные выводы не основаны на материалах уголовного дела и опровергаются исследованными доказательствами.

Мотивируя выводы о виновности осужденных М. и Я. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ, суд сослался в приговоре на первоначальные показания потерпевших, данные ими в ходе предварительного расследования при допросах 19 декабря 2016 года, о том, что каких-либо долговых обязательств перед М. не было, последний с Я. незаконно проникли в их дом, требовали деньги, при этом наносили потерпевшему телесные повреждения различными предметами, похитили мобильный телефон.

Вместе с тем из указанных показаний Я. следует, что при встрече с М. последний сообщил ему, что хочет забрать свои деньги у знакомого, при необходимости они должны физически надавить на должника.

Из совокупности показаний потерпевшего, данных им в ходе предварительного следствия, а также в судебном заседании, следует, что он не отрицал наличие денежного долга перед М. Кроме того, пояснял, что, когда осужденные приехали к нему домой, нашли его в диване и стали наносить телесные повреждения, М. требовал возврата долга. Свои показания при допросе 19 декабря 2016 года потерпевший не подтвердил, пояснив, что протокол подписал, не читая.

В судебном заседании предметом исследования была расписка от 20 ноября 2016 года, согласно которой Е. получил от М. 5 000 рублей и обязался их вернуть до 1 декабря 2016 года, однако данному обстоятельству судом не дано никакой оценки.

Из вышеизложенного следует, что **вывод суда о совершении осужденными разбоя фактически основан лишь на первоначальных показаниях потерпевших, данных на предварительном следствии 19 декабря 2016 года, которые не могут являться единственным достаточным и достоверным доказательством вины М. и Я. в совершении данного преступления, поскольку иными исследованными судом доказательствами не подтверждаются.**

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 года (в редакции от 16 мая 2017 года) № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», под разбоем понимается нападение на потерпевшего, сопровождающееся физическим или психическим насилием, опасным для жизни или здоровья, и направленное на завладение чужим имуществом.

В то же время, исходя из положений п. 7 приведенного постановления, **не образуют состава разбоя противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 УК РФ.**

Совокупность собранных по делу доказательств не дает оснований для вывода о наличии у М. и Я. корыстной цели, что является неотъемлемой частью субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ, а из исследованных в судебном заседании и положенных в основу приговора доказательств усматривается, что умысел М. и Я. был направлен не на совершение открытого хищения имущества, а на реализацию права М. на возврат денежного долга.

При таких обстоятельствах, с учетом направленности умысла осужденных судебная коллегия считает необходимым переквалифицировать действия М и Я. с ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 2 ст. 330 УК РФ, поскольку они совершили самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актам порядку, совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается гражданином, причинивших существенный вред потерпевшему, с применением насилия.

Если потерпевший в ходе предварительного следствия давал показания о совершенном в отношении него разбойном нападении, а в суде заявил, что на самом деле никакого хищения имущества не было, достоверными нужно признавать его показания в судебном заседании. Если свидетелям о совершенном преступлении известно только со слов потерпевшего, который изменил свои показания в суде, заявив о том, что в действительности подсудимый преступления не совершал, достоверность таких свидетельских показаний крайне мала

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 1 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ — умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Лицо из-под стражи освобождено.

Ю. осужден по ч. 1 ст. 162 УК РФ к 2 годам 8 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, постановленным в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основанным на правильном применении уголовного закона.

Неправильным применением уголовного закона, в соответствии со ст. 389.18 УПК РФ, является применение не той статьи Особенной части УК РФ, которая подлежала применению.

В силу ст. 88 УПК РФ суд должен дать оценку каждому доказательству с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а в целом — достаточности для правильного разрешения уголовного дела.

Вынесенный по делу приговор данным требованиям закона в полной мере не отвечает.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ разбой — это нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Суд, квалифицируя действия Ю. как разбойное нападение, положил в основу приговора показания потерпевшего Б., данные им на предварительном следствии, из которых следует, что 28 августа 2020 года он распивал спиртные напитки совместно с виновным и в какой-то момент Ю. беспричинно нанес ему не менее двух ударов с левой стороны по лицу, отчего он испытал физическую боль, после чего чувствовал хлопки по телу, что расценил как осматривание его одежды. Вследствие полученных повреждений он обратился в рядом расположенный магазин за помощью, при этом кто-то из сотрудников магазина принес

его сумку, которая осталась на скамейке возле магазина. Осмотрев ее, он обнаружил, что из сумки пропало 30 рублей, а также предположил, что пропала принадлежащая ему бутылка водки, но потом ее обнаружили возле скамейки, где он ранее и сидел. Когда приехали сотрудники полиции, он сообщил им обо всех произошедших событиях до момента его обращения за помощью.

Давая оценку показаниям потерпевшего, суд указал, что они согласуются с показаниями свидетелей, допрошенных на следствии и в суде.

Так, из совокупности показаний свидетеля И. (сотрудника магазина), свидетелей М. и Г. (сотрудников полиции) следует, что об обстоятельствах преступления они узнали от самого потерпевшего.

Из показаний свидетеля Е. следует, что 28 августа 2020 года он шел в магазин «Магнит», при входе в который увидел потерпевшего и виновного, последний, как ему показалось, охлопывал потерпевшего по телу, одежде. После того, как он вышел из магазина, на лавочке возле магазина вновь увидел потерпевшего и виновного, которые оба были с признаками опьянения, при этом на лице потерпевшего была кровь, а виновный копался в сумке темного цвета. Подержав в руках телефон и увидев свидетеля, положил телефон обратно в сумку. Он подошел к ним с предложением оказать помощь, но потерпевший встал и пошел в сторону магазина, на пороге которого упал, после чего зашел в помещение магазина. Из магазина вышла сотрудница, подошла к скамейке и забрала сумку, ранее разглядываемую виновным лицом, после чего свидетель ушел.

При этом суд отнесся критически к показаниям осужденного Ю., который последовательно (как на предварительном следствии, так и в суде) отрицал наличие у него умысла на завладение имуществом потерпевшего. В судебном заседании он показал, что, действительно, 28 августа 2020 года распивал с потерпевшим пиво, которое ему купил сам потерпевший, но при этом последний и являлся зачинщиком конфликта, возникшего между ними. Потерпевший стал оскорблять его, в результате чего он в ответ один раз ударил потерпевшего по лицу. Потерпевший упал, он помог ему подняться, на лице у потерпевшего выступила кровь, которую он стал вытирать. Проходящий мимо свидетель Е. спросил, нужна ли помощь, однако потерпевший, ничего не ответив, встал и пошел в магазин. Были ли у потерпевшего Б. денежные средства, он не знает, потерпевший мог указанные 30 рублей и утерять, поскольку находился в состоянии опьянения.

Согласно заключению эксперта № 880/2020, у Б. выявлены повреждения: ушибленная рана у наружного конца левой брови, исходом заживления которой явился рубец кожи, который влечет стойкую утрату общей трудоспособности в размере 5 %, и по этому признаку данное повреждение квалифицируется как легкий вред здоровью; кровоизлияние в мягкие ткани в области верхнего и нижнего век левого глаза с переходом на левую скуловую область, кровоизлияние в мягкие ткани в проекции левой горизонтальной ветви нижней челюсти, которые расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью, могли образоваться не менее чем от двух ударов при обстоятельствах, изложенных в обвинении; повреждения у Б. не характерны для образования при падении на плоскость.

Вместе с тем, как следует из протокола судебного заседания в суде первой инстанции, потерпевший Б., отвечая на вопросы участников процесса, уточнил, что Ю. не высказывал ему каких-либо угроз или требований о передаче денежных средств, просто беспричинно нанес не менее одного удара по лицу. При этом допустил, что деньги в сумме 30 рублей он мог и сам потерять, так как находился в состоянии опьянения: денежные средства могли выпасть из сумки или брюк. Куда именно их сложил, точно не помнит, однозначно утверждать, что их похитил виновный, не может, просил привлечь Ю. только за избиение.

Также из совокупности показаний свидетелей Е. и И. следует, что в момент, когда потерпевший зашел в магазин, его сумка осталась без присмотра на лавке, а виновное лицо место происшествия покинуло.

При таких обстоятельствах выводы суда о хищении осужденным денежных средств в сумме 30 рублей являются лишь предположением, что приводит к выводу об отсутствии в действиях виновного умысла на совершение корыстного преступления.

При таких обстоятельствах состоявшийся в отношении Ю. приговор подлежит изменению: его действия следует переквалифицировать с ч. 1 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ — умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

В приговоре указано на наличие в действиях осужденного такого отягчающего наказание за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 162 УК РФ, обстоятельства, как опасный рецидив преступлений (на основании положений п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), однако судебная коллегия полагает, что с учетом переквалификации действий осужденного необходимо исключить из приговора суда указание на признание у Ю. опасного рецидива преступлений, признав в соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ в его действиях рецидив преступлений. Мера пресечения в виде содержания Ю. под стражей отменена, из-под стражи Ю. освобожден в связи с отбытием им наказания.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 7.04.2021 г. по делу № 22-2221/2021.

Если квалифицирующий признак разбойного нападения «с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья» не был вменен осужденному органом предварительного расследования, суд такой признак самостоятельно вменить не вправе

Если суд достоверно не установил, когда у подсудимого возник корыстный умысел — до проникновения в жилище или после — вменять квалифицирующий признак разбойного нападения «с незаконным проникновением в жилище» недопустимо.

Действия осужденного переквалифицированы с ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Ш. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ к лишению свободы на срок 8 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Приговором суда Ш. признан виновным в разбое, то есть нападении в целях хищения чужого имущества, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, с незаконным проникновением в жилище.

Суд правильно установил обстоятельства, при которых Ш., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в период с 0 часов 5 минут до 0 часов 40 минут 28 декабря 2018 года в квартире Р. высказал ей требование выдать ему спиртное и сигареты. На это требование Р. ответила отказом, в связи с чем у Ш. возник умысел на разбой. Реализуя возникший умысел, Ш. вышел на лестничную площадку вслед за выбежавшей Р., оказавшей ему сопротивление, левой рукой схватил ее за правое плечо и, применяя насилие, опасное для здоровья потерпевшей, нанес кулаком правой руки не менее двух ударов в область лица, причинив легкий вред здоровью потерпевшей. Подавив таким способом волю потерпевшей к сопротивлению, Ш. открыто похитил цепочку из золота 585-й пробы, сдернув ее с шеи Р. Упавший при этом золотой крестик стоимостью 1 900 рублей, висевший на цепочке, остался на месте преступления.

Признавая вину Ш. доказанной в полном объеме предъявленного обвинения, суд не учел, что квалифицирующий признак совершения преступления «с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья» осужденному органом предварительного расследования вменен не был. В постановлении о привлечении Ш. в качестве обвиняемого и обвинительном заключении отсутствует описание этого признака, не указан он и в юридической квалификации им содеянного. В описании преступного деяния, приведенном в приговоре, данный признак также отсутствует. В связи с этим, с учетом положений ст. 252 УПК РФ, данный признак подлежит исключению из юридической квалификации действий осужденного.

Кроме того, подробно приведя в приговоре показания об обстоятельствах совершения преступления, данные в судебном заседании осужденным Ш., потерпевшей Р., непосредственным очевидцем Г., свидетелями Г. Е. и Р., суд пришел

к выводу о достоверности показаний Г. Е. и положил их в основу приговора. В связи с этим судом допущено противоречие в выводах о доказанности вины осужденного в полном объеме.

Г. Е. знает об обстоятельствах совершения преступления только со слов своего сына Г. Д., стоявшего на лестничной клетке этажом ниже и пояснившего, что в квартиру Р. осужденный вошел беспрепятственно, крики потерпевшей он услышал позднее, когда Р. выбежала из квартиры, а вслед за ней выбежал Ш., затем спустившийся к Г. и показавший ему похищенную цепочку. Помимо показаний Г., Г. Е. и Р., обстоятельства нападения на потерпевшую также подтверждаются исследованным судом протоколом осмотра места происшествия, согласно которому на утюге, находившемся в комнате, обнаружены отпечатки пальцев осужденного, в прихожей у входной двери — его сломанные очки, на лестничной клетке подъезда — следы крови потерпевшей.

Кроме того, **согласно приведенному в постановлении о привлечении Ш. в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и приговоре описанию преступного деяния, Ш. вошел в квартиру Р. с целью хищения, и в то же время указано, что корыстный умысел у осужденного возник, когда он уже находился в жилище потерпевшей, в связи с ее отказом передать ему спиртное и сигареты — тем самым допущено существенное противоречие, которое судом не устранено.**

Более того, вопреки положениям ст. 307 УПК РФ суд вообще не мотивировал в приговоре свои выводы о том, когда же у Ш. возник корыстный умысел — до проникновения в жилище или после.

Совокупность указанных противоречий с учетом исследованной судом апелляционной инстанцией копии приговора в отношении потерпевшей Р., подтверждающей, что она действительно занималась незаконной торговлей спиртными напитками, указывает на необходимость истолкования сомнений в пользу осужденного, как того требуют положения ст. 14 УПК РФ.

Оценив указанные обстоятельства в совокупности, судебная коллегия приходит к выводу, что квалифицирующий признак «с незаконным проникновением в жилище» подлежит исключению из юридической квалификации действий осужденного.

Окончательно действия Ш. судебная коллегия квалифицирует по ч. 1 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для здоровья.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 5.11.2019 г. по делу № 22-8084/2019.

Осуждение лиц по признаку «группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия» возможно в том случае, если суд сделает мотивированное суждение относительно взаимоосведомленности каждого из подсудимых обо всех аспектах действий соучастника, включая характер применяемого насилия

Недопустимо придавать обратную силу толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчиненной стороны в публичном правоотношении (постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 года № 1-П).

Протоколы очных ставок с участием подсудимого не могут быть оглашены председательствующим судьей по просьбе государственного обвинителя без какого-либо обоснования необходимости оглашения этих процессуальных документов с его стороны, без объективного наличия обстоятельств, объясняющих возможность оглашения показаний, без выяснения позиции других участников процесса.

Приговор в отношении двух лиц, осужденных по ч. 2 ст. 162 УК РФ, отменен.

Л. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 5 годам лишения свободы.

С. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 3 годам лишения свободы.

Состоявшимся приговором Дивеевского районного суда Нижегородской области от 15 июня 2017 года Л. и С. признаны виновными и осуждены за разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Преступление, согласно выводам суда первой инстанции, совершено при обстоятельствах, подробно изложенных в описательно-мотивировочной части приговора.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ судебное решение должно отвечать критериям законности, обоснованности и мотивированности.

В силу положений ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

Согласно п. 2 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

В соответствии со ст. 17, 87, 88 УПК РФ, судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Проверка доказательств производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Исходя из приведенных положений уголовно-процессуального закона, в приговоре должно получить оценку каждое из рассмотренных в суде доказательств, как подтверждающих выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащих этим выводам, а также вся их совокупность в целом. При этом в приговоре должно быть указано, почему одни доказательства признаны судом достоверными, а другим в этом качестве отказано и они отвергнуты судом.

Обжалуемый приговор указанным нормативным требованиям не отвечает.

В основу вывода о виновности Л. и С. в совершении разбойного нападения на П. с применением ножа, используемого в качестве оружия, суд положил показания потерпевшей, подсудимых Л. и С., в том числе данные в ходе проведения очных ставок, показания свидетелей, а также письменные доказательства.

Как следует из показаний потерпевшей П., 26 января 2017 года около 13 часов Л. и С. распивали спиртное на кухне ее квартиры. Внезапно Л. приказал ей сесть на пол, сдал голову, причинив физическую боль, и потребовал отдать деньги, если она хочет жить. В это время С. осмотрел содержимое холодильника, после чего перешел в комнату, где стал осматривать содержимое шкафов и ящиков. Получив отказ потерпевшей в передаче денег, Л. взял с кухонного стола небольшой нож, продемонстрировал его П., держа нож недалеко от ее горла, и под угрозой насилия, опасного для жизни, вновь обратился к ней с аналогичным требованием, обыскал ее и забрал из кармана халата 2 900 рублей. После чего появился С., сказавший, что нужно уходить, и вместе с Л. покинул квартиру потерпевшей. После ухода Л. и С. потерпевшая обнаружила пропажу цифрового спутникового приемника стоимостью 5 000 рублей и денежных средств в сумме 11 600 рублей.

Из показаний Л. и С. следует, что они признали вину в открытом хищении принадлежащего потерпевшей имущества при изложенных ею обстоятельствах, однако угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также использование ножа в процессе завладения имуществом П. ими отрицались.

Кроме того, из этих же показаний следует, что в процессе совершения преступления С. выходил из кухни, в которой оставались Л. и потерпевшая, в комнату, где осматривал содержимое шкафов и, не найдя денежных средств, завладел спутниковой приставкой, после чего покинул квартиру П. вместе с Л.

Свою осведомленность об использовании Л. ножа как орудия угрозы в адрес потерпевшей в процессе совершения хищения С. последовательно отрицал.

Между тем вопреки требованиям ст. 307 УК РФ какой-либо оценки показаниям С. в данной части, в том числе путем их сопоставления с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами, позволяющими подтвердить или опровергнуть выдвинутую осужденным версию, суд не дал, **мотивированного суждения относительно взаимоосведомленности Л. и С. относительно всех аспектов действий соучастника, включая характер применяемого насилия, не сформулировал, а вывод о виновности С. в совместном с Л. совершении разбоя с применением ножа, используемого в качестве оружия, изложил в приговоре исключительно на основе констатации совместного участия осужденных в завладении имуществом П.**

Кроме того, как следует из приговора, в качестве доказательств виновности Л. и С. в инкриминированном деянии суд привел протоколы очных ставок между:

— потерпевшей П. и обвиняемым Л., в ходе которой первая подтвердила, что второй заставил ее сесть на пол, удерживал ее голову рукой, требовал у нее денег; после ее ответа об отсутствии денежных средств Л. взял кухонный нож, держал его у ее шеи и снова требовал денег;

— свидетелем И. и обвиняемым С., свидетелем И. и обвиняемым Л., в ходе которых И. подтвердил, что заявлял хозяйке (П.) о необходимости убрать деньги, находившиеся под скатертью, а Л. сказал ему, что не нужно было этого говорить, поскольку он намерен забрать эти деньги. Кроме того, И. показал о местонахождении осужденных в квартире потерпевшей, что имело значение для определения роли каждого из них в преступлении и для вывода об осведомленности С. в части использования Л. ножа в процессе высказывания угроз в адрес потерпевшей.

В соответствии с официальным толкованием ст. 240, 276 и 281 УПК РФ, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», исследование ранее данных при производстве предварительного расследования или в суде показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, в том числе данных ими в ходе очной ставки, путем оглашения этих показаний в судебном заседании возможно лишь при наличии обстоятельств, указанных соответственно в ст. 276 и 281 УПК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

Изложенное императивное требование в процессе судебного разбирательства и при постановлении обжалуемого приговора также было нарушено.

Как видно из протокола судебного заседания, вышеуказанные протоколы очных ставок были оглашены председательствующим судьей по просьбе государственного обвинителя в перечне других оглашенных письменных материалов уголовного дела в нарушение требований ст. 276 и 281 УПК РФ — без какого-либо обоснования со стороны государственного обвинителя необходимости оглашения этих процессуальных документов, в условиях объективного отсутствия предусмотренных данными уголовно-процессуальными нормами обстоятельств, объясняющих возможность оглашения показаний,

без выяснения позиции других участников процесса. На момент оглашения протоколов очных ставок допрос Л. и С. в судебном заседании еще не производился, их версия относительно обстоятельств совершения инкриминированного деяния не озвучивалась, противоречия в их показаниях не выявлялись.

Судом также допущено нарушение уголовного закона в процессе юридической оценки действий осужденных.

В соответствии с официальным толкованием ч. 2 ст. 162 УК РФ, изложенным в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года (в редакции от 16 мая 2017 года) № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», которым руководствовался суд при постановлении приговора, под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при разбое следует понимать их умышленное использование лицом как для физического воздействия на потерпевшего, так и для психического воздействия на него в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья.

Между тем правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу на момент совершения инкриминированного осужденным деяния — 26 января 2017 года — была изложена в иной редакции, предусматривавшей, в частности, что **демонстрация оружия без намерения его использовать для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, не образует квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ.**

Исходя из недопустимости придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчиненной стороны в публичном правоотношении (постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 года № 1-П), при квалификации действий осужденных суд не вправе был руководствоваться официальным толкованием понятия «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», содержащимся в вышеназванном постановлении Пленума Верховного Суда РФ в редакции от 16 мая 2017 года.

Выявленные в процессе кассационного рассмотрения уголовного дела нарушения положений уголовного и уголовно-процессуального закона, устанавливающих требования к содержанию судебного приговора как важнейшего акта правосудия, а также условия юридической оценки содеянного как квалифицированного разбоя, президиум признает существенными, повлиявшими на исход дела, поскольку они непосредственно повлияли на правильность установления фактических обстоятельств совершенного осужденными преступления и реальной роли каждого из них в содеянном и его последствиях, правильность юридической оценки действий осужденных и определение им соразмерного и справедливого наказания. В силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ указанные нарушения являются основанием для отмены постановленного в отношении Л. и С. приговора Дивеевского районного суда Нижегородской области от 15 июня 2017 года и направления уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В ходе нового судебного рассмотрения уголовного дела суду надлежит принять во внимание выявленные президиумом нарушения и обеспечить принятие по делу законного, обоснованного и мотивированного судебного решения, обеспечив Л. и С. надлежащий уровень процессуальных гарантий и не допуская ухудшения их положения в процессе повторного судебного разбирательства.

*Постановление президиума Нижегородского областного суда
от 25.07.2018 г. по делу № 44-у-75/2018.*

**ГЛАВА 4. УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ.
ОТСРОЧКА ОТ ОТБЫВАНИЯ
НАКАЗАНИЯ. СМЯГЧЕНИЕ
НАКАЗАНИЯ. ИЗМЕНЕНИЕ КАТЕГОРИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ. НАЗНАЧЕНИЕ
СУДЕБНОГО ШТРАФА**

Суд второй инстанции изменил реальное лишение свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на условное наказание, из-под стражи осужденного освободил, приняв во внимание совокупность обстоятельств, смягчающих наказание и категорию преступления

Г. и Г. осуждены по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

В соответствии с ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Согласно ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Назначая Г. и Г. наказание, суд учел данные о личности виновных, которые вину признали полностью, в содеянном раскаялись, ранее не судимы, по месту жительства характеризуются отрицательно, по месту работы — положительно. Г. страдает рядом заболеваний, имеет мать пенсионного возраста, страдающую рядом заболеваний.

Вышеуказанные обстоятельства, за исключением отрицательных характеристик, признаны судом смягчающими наказание.

Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Между тем суд первой инстанции при назначении осужденным наказания не в полной мере учел вышеприведенную совокупность смягчающих наказание обстоятельств, отсутствие отягчающих обстоятельств, совершение осужденными преступления, относящегося к категории средней тяжести, фактические обстоятельства дела.

Таким образом, суд первой инстанции не в полной мере учел обстоятельства, имеющие важное значение для принятия обоснованного и законного решения по делу, и назначил виновным чрезмерно суровое наказание.

Суд второй инстанции приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 13 июня 2019 года в отношении Г. и Г. изменил: применил ст. 73 УК РФ, назначив условное наказание.

*Апелляционное постановление Московского городского суда
от 1.08.2019 г. по делу № 10-14388/19.*

В приговоре должно быть мотивировано, какие конкретно обстоятельства, связанные с целями и мотивом преступления, требуют назначения осужденному наказания в виде реального лишения свободы

Наказание должно быть строго индивидуальным.

Осужденный по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к реальному лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев в исправительной колонии общего режима освобожден из-под стражи в зале суда.

Ш. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Из изложенного следует, что необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания предполагает назначение справедливого наказания, которое будет соответствовать решению задач и достижению целей уголовного закона.

По делу установлено и отражено в приговоре, что Ш. ранее не судим, вину в совершенном преступлении полностью признал, в содеянном раскаялся, принес извинения потерпевшему. При назначении наказания суд учел также наличие на иждивении у Ш. престарелых родителей, их возраст и состояние здоровья, а также состояние здоровья самого осужденного, страдающего рядом хронических заболеваний. Кроме того, в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ суд признал смягчающим обстоятельством активное способствование раскрытию и расследованию преступления.

Обоснованно указал суд на отсутствие по делу отягчающих обстоятельств.

Однако из приговора суда не следует, что при назначении осужденному Ш. наказания получили должную оценку данные о его личности, смягчающие и все прочие обстоятельства, влияющие на назначение ему наказания, в том числе связанные с влиянием наказания на условия жизни и имущественное положение семьи осужденного.

В приговоре не мотивировано, какие конкретно обстоятельства, связанные с целями и мотивом преступления, требуют назначения осужденному наказания в виде лишения свободы на указанный в приговоре срок.

Ш. освобожден из-под стражи в зале суда.

*Апелляционное постановление Московского городского суда
от 19.03.2019 г. по делу № 10-4913/2019.*

Суд апелляционной инстанции изменил категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести и прекратил уголовное дело по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

Суд обязан мотивировать свое решение, приводя в приговоре конкретные данные, почему установленные им фактические обстоятельства дела, обстоятельства, смягчающие наказание, данные о личности виновного являются недостаточными для изменения категории преступления.

Г. осуждена по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы условно.

В соответствии с п. 4 ст. 389.15 УПК РФ основанием для отмены судебного решения в апелляционном порядке является несправедливость приговора.

Согласно положениям ст. 389.21 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд отменяет обвинительный приговор суда первой инстанции и прекращает уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст. 24, 25, 27, 28 УПК РФ.

Исходя из положений ст. 307 УПК РФ, суд при постановлении приговора обязан мотивировать свои решения по всем разрешаемым в соответствии с ч. 1 ст. 299 УПК РФ вопросам, в том числе относящимся к назначению наказания. В соответствии с п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд при постановлении приговора обязан обсудить вопрос о том, имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При этом приговор признается законным, обоснованным и справедливым тогда, когда он постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основан на правильном применении уголовного закона.

В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления, при условии, что за совершение преступления, указанного в ч. 4 ст. 15 УК РФ, осужденному назначено наказание, не превышающее 5 лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание.

Изменение категории преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в ст. 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма.

Указанные требования уголовно-процессуального закона при вынесении приговора в отношении Г. в полном объеме не выполнены.

Г. осуждена к 1 году лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ — условно с испытательным сроком 1 год и возложением обязанностей, приведенных в приговоре, за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, относящегося в силу ч. 4 ст. 15 УК РФ к категории тяжких.

Как усматривается из приговора, суд не установил обстоятельств, отягчающих наказание Г.

Признал смягчающими наказание обстоятельствами полное признание вины и раскаяние в содеянном, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления; совершение преступления впервые; нахождение на иждивении двоих малолетних детей, молодой возраст Г., состояние здоровья ее, всех членов ее семьи и близких родственников, а также наличие инвалидности у ее матери; положительную характеристику с места жительства; добровольное полное возмещение материального ущерба, причиненного потерпевшей, принесение извинений потерпевшей как действия, направленные на заглаживание вреда потерпевшей; мнение потерпевшей, фактически примирившейся с подсудимой.

Несмотря на совокупность указанных обстоятельств и назначение Г. наказания, не превышающего 5 лет лишения свободы, суд указал, что не находит оснований для изменения в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категории совершенного ей преступления на менее тяжкую.

Указывая в приговоре на отсутствие оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую, суд сослался на фактические обстоятельства совершенного преступления, его общественную опасность и данные о личности виновной. При этом фактически не мотивировал свое решение, не привел конкретных данных, не указал в приговоре, почему установленные судом фактические обстоятельства дела, обстоятельства, смягчающие наказание, данные о личности виновной являются недостаточными для изменения категории преступления.

Вместе с тем наличие совокупности установленных судом смягчающих наказание Г. обстоятельств, отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, конкретные фактические обстоятельства преступления, в результате совершения которого тяжких последствий не наступило, положительно характеризующие Г. данные о ее личности, отношение осужденной к преступлению, устранение причиненного материального и морального вреда, раскаяние в содеянном уменьшают степень общественной опасности совершенного ей преступления, что позволяло суду изменить его категорию на менее тяжкую, обеспечив тем самым индивидуализацию ответственности за содеянное и в полной мере реализовав закрепленные в ст. 6 и 7 УК РФ принципы справедливости.

Невыполнение судом указанных требований закона суд апелляционной инстанции находит существенным нарушением уголовного закона, повлиявшим на исход дела. Исходя из изложенного, суд апелляционной инстанции полагает возможным изменить категорию совершенного Г. преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, с тяжкого на преступление средней тяжести.

Помимо того, из материалов дела видно и установлено в приговоре, что потерпевшая сочла возможным прекратить уголовное дело в отношении Г. в связи с примирением с последней, поскольку та полностью загладила причиненный вред — вернула денежную сумму в полном размере, принесла извинения. Осужденная и ее адвокат в судебном заседании также просили о прекращении (в случае изменения категории преступления на более мягкую) уголовного дела за примирением сторон.

Согласно ст. 25 УПК РФ суд вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Учитывая, что Г. ранее не судима, впервые осуждена за совершение преступления средней тяжести (с учетом внесенных в приговор изменений), примирилась с потерпевшей, полностью загладила причиненный вред, суд апелляционной инстанции полагает необходимым уголовное дело в ее отношении прекратить за примирением сторон.

*Апелляционное определение Алтайского краевого суда
от 30.01.2020 г. по делу № 22-297/2020.*

К. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год, с применением ст. 73 УК РФ — условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев.

Судебная коллегия полагает, что приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию, при условии, что за совершение тяжкого преступления осужденному назначено наказание, не превышающее 5 лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание.

Суд первой инстанции не нашел оснований для изменения, согласно ч. 6 ст. 15 УК РФ, категории преступления на менее тяжкую.

Однако из материалов уголовного дела и приговора суда следует, что действиями осужденного К. потерпевшим был причинен материальный ущерб на незначительную сумму, у К. не имеется отягчающих наказание обстоятельств, установлено наличие нескольких смягчающих обстоятельств, в том числе и обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ (добровольное возмещение причиненного потерпевшим ущерба), за совершенное им тяжкое преступление назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год с применением ст. 73 УК РФ.

При таких обстоятельствах судебная коллегия не может согласиться с выводом суда первой инстанции об отсутствии оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую и, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, а также данных о личности К., наличия у него смягчающих наказание обстоятельств при отсутствии отягчающих обстоятельств, считает возможным изменить категорию совершенного К. преступления с тяжкого на преступление средней тяжести.

Кроме того, согласно ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 года № 10 «О практике применения судами положений ч. 6 ст. 15 УК РФ», решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет ему при наличии оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

Поскольку в суде первой инстанции потерпевшей К. заявлялось ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении К. в связи с примирением сторон, так как ущерб им возмещен в полном объеме, в суде апелляционной инстанции потерпевшая К. также настаивала на прекращении уголовного дела, так как они с К. примирились, потерпевшей К. было представлено заявление с аналогичным ходатайством, судебная коллегия считает, что К. подлежит освобождению от назначенного наказания по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 5.02.2020 г. по делу № 10-1500/2020.

Наличие у осужденного места работы является обстоятельством, смягчающим наказание

Наказание по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ смягчено.

И. осуждена по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Суд во вводной части приговора, характеризуя личность И., указал, что она не работает. Этот вывод опровергается приобщенной к материалам уголовного дела и исследованной в судебном заседании справкой о том, что И. с 23 июня 2019 года работала официанткой с оплатой 30 000 рублей в месяц, в связи с чем в приговор необходимо внести соответствующие изменения. Наличие у И. места работы суд апелляционной инстанции признает иным смягчающим обстоятельством в соответствии с положениями ч. 2 ст. 61 УК РФ, в связи с чем полагает необходимым смягчить назначенное наказание.

*Апелляционное постановление Московского городского суда
от 18.11.2019 г. по делу № 10-22278/2019.*

Вывод суда о том, что осужденный ведет антисоциальный образ жизни и поддерживает связь с ранее судимыми лицами, должен быть объективно подтвержден, иначе подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора со снижением наказания

Из описательно-мотивировочной части приговора по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161 УК РФ исключено указание на то, что осужденный ведет анти-социальный образ жизни и поддерживает связь с ранее судимыми лицами, наказание смягчено.

А. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы, по ч. 1 ст. 161 УК РФ — к 1 году 8 месяцам лишения свободы, по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ — к 2 годам лишения свободы. В силу ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательно назначено 3 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия не может признать выводы суда о размере назначенного осужденному наказания обоснованными по следующим основаниям.

В силу положений ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Данные требования уголовно-процессуального закона судом первой инстанции не выполнены.

Как следует из приговора, назначая А. наказание, суд принял во внимание данные о том, что он ведет антисоциальный образ жизни, а также поддерживает связь с ранее судимыми лицами. Из смыслового содержания приговора следует, что данные обстоятельства суд первой инстанции расценил как сведения, отрицательно характеризующие осужденного и, как следствие, влияющие на назначение наказания в сторону его ухудшения.

Между тем исследованными в судебном заседании в порядке ч. 5 ст. 316 УПК РФ доказательствами данные обстоятельства объективного подтверждения не нашли, в связи с чем следует констатировать, что выводы суда в указанной части основаны на доказательствах, которые не были непосредственно исследованы в судебном заседании.

При таких обстоятельствах из описательно-мотивировочной части приговора подлежит исключению указание на то, что А. ведет антисоциальный образ жизни и поддерживает связь с ранее судимыми лицами, что, в свою очередь, влечет соразмерное смягчение назначенного ему наказания как за каждое из преступлений, так и по их совокупности.

Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2020 г. по делу № 77-2213/2020.

**В соответствии с требованиями ч. 1.1 ст. 63 УК РФ
само по себе совершение преступления
в состоянии опьянения, вызванном употреблением
алкоголя или наркотических средств,
не является единственным и достаточным
основанием для признания такого состояния
обстоятельством, отягчающим наказание**

Указание на отягчающее наказание обстоятельство — совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения — из приговора по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ исключено, наказание смягчено.

По приговору суда А. признан виновным в двух кражах чужого имущества с незаконным проникновением в жилище и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Согласно ч. 1.1 ст. 63 УК РФ судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ.

В силу разъяснений, данных в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года (в редакции от 18 декабря 2018 года) № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания», само по себе совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, не является основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. В описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о необходимости признания указанного состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством.

Между тем, как следует из приговора, признавая совершение А. преступлений в состоянии алкогольного опьянения отягчающим обстоятельством, суд лишь констатировал данный факт, не приведя в приговоре мотивов принятого решения.

Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции изменила приговор, исключив указание на отягчающее наказание обстоятельство — совершение А. преступлений в состоянии алкогольного опьянения — и смягчила наказание, назначенное А. за каждое из преступлений, за которые он осужден, а также по их совокупности.

Обобщение кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за I квартал 2020 г. (типичные ошибки, допускаемые судами, входящими в кассационный округ).

Суд отсрочил отбывание наказания осужденной по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ при наличии к тому оснований, указанных в ч. 1 ст. 82 УК РФ, до достижения ее детьми 14-летнего возраста

При назначении наказания суд первой инстанции, несмотря на беременность осужденной и наличие у нее малолетнего ребенка, в нарушение положений п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ не разрешил вопрос о возможности отсрочки отбывания наказания при наличии к тому оснований, указанных в ч. 1 ст. 82 УК РФ.

По приговору Нагатинского районного суда г. Москвы от 18 апреля 2019 года ранее не судимая В. осуждена по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением Московского городского суда от 5 июня 2019 года указанный приговор изменен: в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ признано обстоятельством, смягчающим наказание В., добровольное возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением; наказание смягчено до 1 года лишения свободы.

В кассационной жалобе адвокат, не оспаривая доказанность вины и квалификацию содеянного В., просил приговор изменить ввиду его чрезмерной суровости и отсрочить В. отбывание наказания до достижения ее детьми 14-летнего возраста.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции изменила состоявшиеся в отношении В. судебные решения: в соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ отсрочила реальное отбывание ею наказания до достижения ее сыном Л., рожденным 30 мая 2009 года, 14-летнего возраста. Кассационное определение мотивировано следующим образом.

При назначении наказания суд первой инстанции, несмотря на беременность В. и наличие у нее малолетнего ребенка, в нарушение положений п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ не разрешил вопрос о возможности отсрочки отбывания наказания при наличии к тому оснований, указанных в ч. 1 ст. 82 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции оставил без внимания указанное нарушение закона, допущенное судом первой инстанции. Более того, в нарушение положений ст. 389.9, 389.19 УПК РФ суд апелляционной инстанции оставил без оценки довод апелляционной жалобы об отсрочке отбывания наказания В. на основании положений ст. 82 УК РФ.

Принимая решение о применении положений ч. 1 ст. 82 УК РФ, судебная коллегия учла характер и степень общественной опасности совершенного В. преступления и данные о ее личности, в том числе то, что она одна воспитывала малолетнего ребенка после смерти его отца, впервые привлекалась к уголовной ответственности и находилась в состоянии беременности, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств и совокупность признанных судом смягчающих наказание обстоятельств.

*Обобщение практики судебной коллегии по уголовным делам
Второго кассационного суда общей юрисдикции № 1 (2020).*

Возраст осужденного (50 лет) и незначительная сумма ущерба непосредственно влияют на смягчение наказания как индивидуализирующие наказание обстоятельства

Наказание по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ смягчено.

Х. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 10 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Судом не в полной мере учтены имеющиеся смягчающие наказание обстоятельства, в связи с чем назначенное наказание не соответствует требованиям ст. 43, 60 УК РФ, а потому приговор подлежит изменению, а наказание — смягчению.

Учитывая изложенное, а также принципы справедливости и соразмерности содеянному, индивидуализации наказания, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, сумму ущерба, фактическое возвращение похищенного имущества потерпевшему в связи с тем, что преступление не было доведено осужденным до конца по независящим от него обстоятельствам, учитывая то, что Х. впервые привлекается к уголовной ответственности, наличие у него заболевания, возраст осужденного (50 лет), суд апелляционной инстанции находит обоснованными доводы апелляционной жалобы осужденного и полагает возможным смягчить назначенное наказание.

Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-22553/2019.

Положительная характеристика из СИЗО позволила вдвое снизить наказание за преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

К. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 2 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Вместе с тем судебная коллегия, соглашаясь с доводами апелляционных жалоб о несправедливости назначенного К. срока наказания в виде лишения свободы, полагает, что судом фактически оставлены без внимания обстоятельства совершенного К. преступления и данные о его личности. Согласно представленным справкам из следственного изолятора, К. положительно характеризуется, работает в должности подсобного рабочего в магазине при СИЗО.

В связи с изложенным, с учетом данных о личности К., его положительных характеристик, обстоятельств, смягчающих наказание, а также характера и степени общественной опасности преступления, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи судебная коллегия приходит к выводу, что назначенное К. наказание подлежит смягчению. Наказание снижено до 1 года 6 месяцев.

*Апелляционное определение Московского городского суда
от 23.10.2019 г. по делу № 10-8815/2019.*

Мнение потерпевшего, возражавшего против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, не является безусловным препятствием для этого

Суд в каждом конкретном случае должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности.

Приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ отменен, а уголовное дело прекращено с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

П. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде исправительных работ сроком на 1 год с удержанием в доход государства 10 % из заработной платы.

Согласно положениям ст. 25.1 УПК РФ допускается прекращение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, с назначением данному лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В силу ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Исходя из материалов уголовного дела, в ходе судебного заседания в суде первой инстанции защитником К. было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении П. с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку преступление, в котором обвиняется П., относится к категории средней тяжести и совершено им впервые. П. вину признал полностью, раскаялся в содеянном, полностью возместил ущерб, причиненный потерпевшему преступлением.

Данное ходатайство было разрешено 20 мая 2020 года с участием потерпевшего А., который сообщил суду, что причиненный по данному уголовному делу ущерб возмещен П. в полном объеме путем частичного возврата похищенного имущества и выплаты денежных средств. Вместе с тем А. возразил против прекращения уголовного дела, поскольку П. также должен ему 160 000 рублей за коммунальные услуги, самостоятельно имущественный ущерб не возмещал, так как денежные средства за похищенное имущество П. передал после того, как его вызвал следователь.

По результатам рассмотрения ходатайства судом в его удовлетворении отказано в связи с тем, что освобождение П. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не будет способствовать восстановлению социальной справедливости, отвечать целям и задачам правосудия. Кроме того, при приня-

тии такого решения суд первой инстанции учел конкретные обстоятельства дела, сведения о личности подсудимого, позицию потерпевшего, возражавшего против прекращения дела, а также указал, что прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью суда. После чего в этот же день в отношении П. вынесен обжалуемый обвинительный приговор.

Вместе с тем, принимая решение по заявленному стороной защиты указанному ходатайству, суд первой инстанции не учел, что **ст. 76.2 УК РФ содержит исчерпывающий перечень условий, необходимых для освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а при соблюдении предусмотренных ст. 25.1 УПК РФ условий мнение потерпевшего, возражавшего против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, не является безусловным препятствием для прекращения уголовного дела и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.**

Согласно материалам уголовного дела, П. впервые совершил преступление средней тяжести, полностью возместил потерпевшему А. материальный ущерб, причиненный в результате преступления, о чем также свидетельствует имеющаяся в материалах уголовного дела расписка потерпевшего, официально трудоустроен, положительно характеризуется по месту жительства и работы, у него на иждивении находятся двое детей.

В соответствии с указанными нормами уголовного и уголовно-процессуального законов суд должен выяснить у потерпевшего, а также установить другими возможными способами, приняты ли обвиняемым меры к возмещению ущерба или заглаживанию причиненного преступлением вреда иным образом. По смыслу уголовного закона **суд в каждом конкретном случае должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности.**

Суд апелляционной инстанции, принимая во внимание, что П. полностью возместил имущественный ущерб потерпевшему, в целях реализации принципов справедливости и гуманизма считает, что каких-либо препятствий для прекращения уголовного дела в отношении П. на основании ст. 25.1 УПК РФ, обусловленных особенностями объекта совершенного преступления, не имеется.

В соответствии с ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции — до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу. Размер судебного штрафа суд апелляционной инстанции определяет в соответствии с требованиями ст. 104.5 УК РФ, с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения П., а также возможности получения указанным лицом дохода считает необходимым назначить ему судебный штраф в размере 30 000 рублей.

В связи с изложенным постановленный в отношении П. приговор подлежит отмене, а уголовное дело по обвинению П. в совершении предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ преступления — прекращению с применением к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 30 000 рублей.

*Апелляционное постановление Ростовского областного суда
от 21.07.2020 г. по делу № 22-3197/2020.*

Суд второй инстанции изменил реальное лишение свободы на условное наказание даже при полном непризнании вины подсудимым по ч. 1 ст. 161 УК РФ. Непризнание вины не является основанием для отказа подсудимому в применении правил, предусмотренных ст. 73 УК РФ

С. осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Осужденный С. в судебном заседании не признал себя виновным в совершении инкриминируемого преступления.

Суд, приняв во внимание личность осужденного, его поведение на всех стадиях производства по уголовному делу, характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, пришел к выводу о назначении С. наказания в виде лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении, не усматривая оснований для применения положений ст. 73 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции не может согласиться с данным выводом суда и, принимая во внимание данные о личности С., обстоятельства, смягчающие наказание, характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, считает возможным применить к назначенному С. наказанию в виде лишения свободы положения ст. 73 УК РФ.

*Апелляционное постановление Московского городского суда
от 28.01.2019 г. по делу № 10-0062/2019.*

Отрицательная характеристика не может приниматься во внимание при назначении наказания

Мнение потерпевшего о назначении сурового наказания не должно учитываться судом.

Наказание по ч. 1 ст. 161 УК РФ смягчено.

А. осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 2 года.

Согласно требованиям ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся, в том числе, к назначению уголовного наказания.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Указанные требования закона при назначении наказания А. судом первой инстанции не выполнены.

При назначении наказания А. учтена его отрицательная характеристика по месту отбытия прежнего наказания в ФКУ КП-9 УФСИН РФ.

Однако по смыслу действующего законодательства уголовное наказание назначается за совершение виновным лицом преступлений, и его индивидуализация не зависит от поведения подсудимого в местах содержания под стражей в связи с уже совершенными деяниями.

Таким образом, необоснованный учет при назначении наказания отрицательной характеристики по месту отбытия прежнего наказания повлечет неверное определение размера наказания А.

Также при назначении наказания судом учтена позиция потерпевшего, настаивавшего на реальном лишении подсудимого свободы.

Вместе с тем мнение участников судебного разбирательства со стороны обвинения о строгом наказании виновного лица само по себе не может учитываться судом, поскольку в контексте обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ, оно должно рассматриваться только как обстоятельство, отягчающее наказание. Однако данное обстоятельство не включено законодателем в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренный ст. 63 УК РФ, который расширительному толкованию не подлежит.

Изложенное следует и из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в определении, согласно которой **положения ст. 6 УК РФ о соблюдении принципа справедливости при назначении наказания во взаимосвязи с законоположениями ст. 60 УК РФ не называют мнение потерпевшего в числе обстоятельств, учитываемых при назначении наказания,**

поскольку обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания — такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться, исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего.

*Кассационное определение судебной коллегии по уголовным
делам Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 22.12.2020 г. по делу № 77-2517/2020.*

Преклонный возраст сам по себе не свидетельствует о беспомощном состоянии потерпевшего, предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающее обстоятельство — совершение преступления в отношении беспомощного лица — из описательно-мотивировочной части приговора по ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 161 УК РФ исключено, наказание снижено

Если подсудимый отрицает, что совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения, а иных достоверных подтверждений этому нет, то отягчающее наказание обстоятельство — совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, — подлежит исключению из приговора.

К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 161 УК РФ, по двум эпизодам, а также в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Согласно приговору, суд первой инстанции при назначении К. наказания в качестве отягчающего обстоятельства по эпизоду по ч. 1 ст. 161 УК РФ признал совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

Вместе с тем из показаний К., указанных судом в приговоре, следует, что он «спиртное не употреблял, отходил от выпивки накануне».

Таким образом, сам осужденный К. отрицает факт употребления спиртного, а выводы суда в указанной части не подтверждаются фактическими обстоятельствами дела.

В связи с вышеизложенным судебная коллегия считает необходимым исключить из описательно-мотивировочной части приговора указание на нахождение К. в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкогольных напитков, по эпизоду совершенного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, и на признание данного обстоятельства отягчающим наказание за это преступление, смягчить назначенное К. наказание.

Кроме того, в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, суд признал совершение К. преступлений в отношении беспомощного лица, указывая, что потерпевшая была не в состоянии оказать осужденному противодействие из-за старости.

Однако оснований для признания в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступлений в отношении беспомощного лица), не имелось, поскольку по смыслу закона беспомощными признаются лица с физическими недостатками, психическими расстройствами, престарелые, которые в силу физического или психического состояния не способны защитить себя, оказать физическое сопротивление виновному. При этом преклонный возраст относится к числу оценочных признаков и сам по себе не свидетельствует о беспомощном состоянии потерпевшей.

Учитывая вышеизложенное, судебная коллегия приходит к выводу о необходимости изменения приговора в отношении К., исключив из описательно-мотивировочной части приговора указание на признание обстоятельствами, отягчающими наказание, совершение преступления по эпизоду по ч. 1 ст. 161 УК РФ в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, а также совершение преступлений в отношении беспомощного лица, предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, по всем эпизодам со снижением назначенного наказания.

*Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам
Самарского областного суда от 16.04.2021 г. по делу № 22-1838/21.*

При назначении наказания суд второй инстанции применил правила, предусмотренные п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, снизив наказание за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, за частичное возмещение вреда в размере 9 000 рублей

Ш. осужден по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Ш. признан виновным в открытом хищении чужого имущества (грабеже) группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Потерпевший Д. в судебном заседании суда апелляционной инстанции пояснил, что родственниками осужденного Ш. ему был частично возмещен материальный ущерб в размере 9 000 рублей, в связи с чем просил смягчить назначенное Ш. судом первой инстанции наказание.

При таких обстоятельствах судебная коллегия считает необходимым в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ признать в качестве смягчающего наказание обстоятельства частичное возмещение осужденным материального ущерба потерпевшему и смягчить Ш. наказание.

*Апелляционное определение Московского городского суда
от 20.01.2020 г. по делу № 10-640/2020.*

Если в протоколе явки с повинной не имеется сведений о составлении его с участием адвоката, не содержится данных о разъяснении подсудимому права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, протокол явки с повинной признается недопустимым доказательством

Если в описательно-мотивировочной части приговора суд не приводит убедительных мотивов признания состояния опьянения, вызванного употреблением алкоголя, обстоятельством, отягчающим наказание, такое отягчающее обстоятельство подлежит исключению.

Протокол явки с повинной признан недопустимым доказательством и исключен из приговора, наказание по ч. 1 ст. 162 УК РФ смягчено.

Постановлением президиума областного суда от 14 января 2019 года изменены приговор районного суда г. Саратова от 14 марта 2016 года и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 2 июня 2016 года в отношении К.: ссылка суда на протокол явки с повинной К. как доказательство его вины в совершении преступления и указание на признание состояния опьянения, вызванного употреблением алкоголя, обстоятельством, отягчающим наказание, исключены из описательно-мотивировочной части приговора, назначенное наказание смягчено.

Как следует из приговора, К. осужден по ч. 1 ст. 162 УК РФ к 4 годам лишения свободы, в качестве доказательства вины К. в совершении инкриминируемого преступления суд привел явку с повинной.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 10 постановления от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре», в тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления, с учетом требований ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ, права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав.

Как следует из материалов дела, в протоколе явки с повинной сведений о составлении его с участием адвоката, осуществляющего защиту К., не имеется, как не содержится и данных о разъяснении К. права не свиде-

тельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования.

С учетом изложенного президиум признал протокол явки К. с повинной недопустимым доказательством и исключил из приговора ссылку на него как на доказательство вины осужденного.

Кроме того, согласно приговору, при назначении К. наказания в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, суд учел совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ суд, назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ.

Таким образом, по смыслу вышеприведенных положений уголовного закона само по себе совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, не является единственным и достаточным основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. При разрешении вопроса о возможности признания указанного состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством суду надлежит принимать во внимание характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения, а также личность виновного.

Однако в нарушение требований п. 4 ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части приговора суд не привел убедительных мотивов, по которым он пришел к такому выводу.

При таких обстоятельствах президиум принял вышеуказанное решение.

Справка по результатам изучения и обобщения причин отмен и изменений президиумом Саратовского областного суда судебных решений, вынесенных судебной коллегией по уголовным делам, в I полугодии 2019 года.

АНТОН КОЛОСОВ

*адвокат Московской городской
коллегии адвокатов*

Имеет опыт работы в системе следствия, органах прокуратуры Российской Федерации.

Дает практические советы на сайте advokat-kolosov.ru и разбирает конкретные дела на [YouTube](https://www.youtube.com/).

Автор книг «Как оправдать по делам о наркотиках», «Как оправдать по делам об убийстве и насильственных преступлениях», «Как оправдать по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «Как оправдать по делам о должностных преступлениях».